

**Федеральное Государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»**

**Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского**

VIII Международный Византийский семинар

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И «ПОЛИС»

Севастополь, Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
30 мая - 4 июня 2016 г.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Севастополь

2016

УДК 93

ББК 63.3(0)4

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ИМПЕРИЯ И ПОЛИС // Материалы научной конференции. VIII-й Международный Византийский Семинар (Севастополь – Херсонес 30.05 - 04.06 2016)

*Издаются по решению Ученого Совета
ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь) – **ПРЕДСЕДАТЕЛЬ**

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. Etudes Médiévales (Paris IV - Sorbonne), кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь) – **КООРДИНАТОР**

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института всеобщей истории РАН (Москва)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА, заведующая отделом ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь) – **СЕКРЕТАРЬ**

Конференция проводится при финансовой поддержке группы компаний севастопольских предпринимателей

© Коллектив авторов (2016)

© ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

АЙБАБИН А.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Архонтии и климаты Херсона в Юго-Западном Крыму	6
АЛЕКСЕЕНКО Н.А. (ГМЗХТ, Севастополь) Византийская администрация Таврики в XI в. и новая печать Льва Алиата из Херсона	9
АФИНОГЕНОВ Д.Е. (ИВИ РАН, Москва) Новые фрагменты утраченного иудейско-эллинистического источника по древней библейской истории	17
АФИНОГЕНОВА О.Н. (ЦНЦ ПЭ, Москва) Святые бессребреники Косма и Дамиан – особенности культа	19
БАРАБАНОВ Н.Д. (ВолГУ, Волгоград) Вино в Византии. Религиозные аспекты восприятия и потребления	21
БИБИКОВ М.В. (ИВИ РАН, Москва) «Русские монастыри» в византийской Палестине	25
ВИНОГРАДОВ А.Ю. (НИУ ВШЭ, Москва) Письменность у «варваров»-христиан на северной периферии Византии: статус языка алан и крымских готов в свете новых открытий.....	29
ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. (КрФУ, Симферополь) К ранней истории княжества Феодоро: историко-археологический комментарий	34
ГИНЬКУТ Н.В. (ГМЗХТ, Севастополь) Поливная люстровая керамика Испании из раскопок генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.)	39
ЕВДОКИМОВА А.А. (ИЯз РАН, Москва) Греческие граффити из церкви на юго-восточном склоне Ак-Тепе в окрестностях Ортахисара в Каппадокии. Жанровый, лингвистический и просопографический анализ.....	42

ЗАВАДСКАЯ И.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Проблемы и перспективы в изучении черепицы византийского Крыма	44
ИВАНОВ А.В. (ГМЗХТ, Севастополь) Некрополь при «базилике на холме»: антропологические данные и историческая интерпретации памятника	48
КАЛИНИНА Т.М. (ИВИ РАН, Москва) Константинопольский пролив на картах арабских географов «классической школы» (X в.)	51
KARAGIORGOU O. (Athens, Greece) CHARALAMPAKIS P. (Ioannina, Greece) MALATRAS CHR. (Istanbul, Turkey) ТАКТИКОН: an online resource on the <i>thematic</i> structure and prosopography (Тактикон – как электронная база данных по структуре византийских фем и просопографии)	56
КРАМАРОВСКИЙ М.Г. (ГЭ, Санкт-Петербург) СЕЙДАЛИЕВ Э.И. (КИПУ, Симферополь) Иудаика Солхата-Крыма (археология и история)	59
КУРЫШЕВА М.А. (ИВИ РАН, Москва) Новонайденный акт афонской Лавры св. Афанасия в греческой рукописи из собрания ГИМ	61
КУЩ Т.В. (УрФУ, Екатеринбург) Выжить и преуспеть при дворе. «Правила жизни» поздневизантийской политической элиты глазами современника	64
МАЙКО В.В. (ИАКр, Симферополь) Неизвестные страницы археологического изучения византийской Сугдеи в 1926-1929 гг.	66
МОХОВ А.С. (УрФУ, Екатеринбург) Императорская этерия в первой половине IX в.	73
НАУМЕНКО В.Е., ДУШЕНКО А.А. (КрФУ, Симферополь) КОРЗЮК Д.В. (ИАКр, Симферополь) Новый христианский культовый комплекс в округе Мангупского городища. Храм на г. Илья	77

ПОЛЕХОВ С.В. (ИРИ РАН, Москва) БУТЫРСКИЙ М.Н. (ГМВ, Москва), Византийский оригинал печати князя Ивана Гольшанского (Великое княжество Литовское)	84
СИДОРЕНКО В.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Из исторической топографии предистории Крымского ханства	87
СТЕПАНЕНКО В.П. (УрФУ, Екатеринбург) Ника между ангелом и архангелом в Византии и на Руси	91
СТЕПАНОВА Е.В. (ГЭ, Санкт-Петербург) Печати и евлогии монастыря Святого Симеона Столпника Младшего	93
ХАЙРЕДИНОВА Э.А. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Ложечки – ситечки второй половины VI в. из Юго-Западного Крыма	95
ХРАПУНОВ Н.И. (НИЦ ИАК КрФУ, Симферополь) Как Екатерина II Херсон искала	100
ЧХАИДЗЕ В.Н. (ИА РАН, Москва) Печати Торника Варазваче (XI в.)	103
ШАЛЫГА Д.А. (КрФУ, Симферополь) Изучение языка крымских готов	109
ШАМАНАЕВ А.В. (УрФУ, Екатеринбург) Состояние древностей Херсонесского городища в 1880-х гг. (по материалам докладных записок В.В. Сулова и Н.П. Кондакова в ИАК)	112
ЯШАЕВА Т.Ю. (ГМЗХТ, Севастополь) К вопросу о посвящении херсонесского «храма с ковчегом»	116
ГИНЬКУТ Н.В. (ГМЗХТ, Севастополь) Генуэзские колонии в Крыму глазами исследователей конца XVIII – 40-х гг. XIX в.	120

А.И. АЙБАБИН

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

АРХОНТИИ И КЛИМАТЫ ХЕРСОНА В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ¹

Находящиеся по соседству с Херсоном архонтии и климаты впервые упомянуты в сочинениях IX в. в рассказах о событиях второй половины VII – VIII вв. В составленной в 813-814 гг. «Хронографии» Феофан Исповедник рассказал о высылке императором Константином II (641-668 гг.) папы Мартина «в Херсон и климаты» или «климаты Херсона» (*Chronicle of Theophanes* 1997: 462-463, 491). Как известно, папу Мартина сослали в Херсон в 655 г. (Бородин 1991: 174). Феофан писал и о бегстве в 704 г. ссыльного Юстиниана II из Херсона в Дарас (Δαρᾶς), расположенный между городом и Фанагорией, а в отображении событий 711/2 гг. упомянул «Херсон, Боспор и другие климаты», а также «жителей Херсона и других крепостей» (*Chronicle of Theophanes*, 1997: 520, 527-528). В одновременной Краткой Истории патриарх Никифор в описании событий, связанных с ссылкой Юстиниана II, крепость Дорос локализовал в стране готов (Nikephoros 1990: 100-101), упомянул «Херсон, Боспор и другие архонтии», «граждан Херсона и других городов» и «архонтов регионов» (Nikephoros 1990: 106-109), соседних с Херсоном. «Крепости соседних с Херсоном племен» упомянуты в содержащейся в *Collectanea* Анастасия Библиотекаря IX в. схолии о житии Евпрепия (умер в 655 г.) и Феодора (умер в 667 г.) (Vasiliev 1936: 78; Migne 1864: CXXIX, 129, 684).

Приведенная информация позволяет вполне определенно локализовать эти архонтии и климаты в пределах описанной Прокопием области Дори, населенной союзными империи готами (Procopius 1940: III, VII, 10-17; Айбабин 2015: 320). Правда, по Прокопию на территории Дори «император не построил ни города или крепости..., но везде, где область казалась легкодоступной для нападавших, он преградил эти

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III-VII вв.)»

подступы длинными стенами ...» (Procopius 1940: III, VII, 16). Единственное упоминание укрепленного городка Дори (опидум или кивитатиум Dory) в учебнике Присциана первой трети VI в. (Prisciani Grammatici Caesariensis 1855: VI, 1, S. 195; VII, 1, S. 283) дает основание отнести строительство укреплений на плато Мангуп к началу VI в.

М.А. Тиханова и А.Л. Якобсон и другие с «длинными стенами» отождествляли укрепленные «пещерные города» Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Качи-Кальон, Бакла и другие (Vasiliev 1936: 72-73; Тиханова 1953: 320-324; Якобсон 1964: 11). Судя по материалам раскопок оборонительных сооружений на плато Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла, их возвели не ранее последней четверти VI в.

Очевидно, строительство новых крепостей началось вследствие изменения политики Византии на полуострове после захвата тюрками в 580 г. города Боспора и демонстрации военной силы близ Херсона. Как сказано в опубликованной В.В. Латышевым надписи из Тамани, в 590 г. стратилат и дука Херсона Евпатерий восстановил «кесарское здание» на Боспоре (Латышев 1894: 671-672). Надпись свидетельствует о создании во владениях империи на полуострове единой, руководимой дукой Херсона, администрации. Вполне вероятно, что под его руководством строились и новые крепости.

Письменные источники свидетельствуют о создании византийцами новой системы управления населявшими область Дори аланами и готами. Её разделили на районы – архонтии с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла. Видимо, к началу VII в. крепости превратились в административные и экономические центры округов, скорее всего, подчиненных Херсону. Согласно Феофану, во второй половине VII в. соседние с Херсоном архонтии именовали и климатами.

Подпись участвовавшего в 692 г. в Трулльском Вселенском соборе епископа Херсона Георгия «Γεώργιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Χερσῶνος τῆς Δόραντος» (Ohme 1990: 151), позволяет говорить о том, что его епархии принадлежали и приходы страны Дори.

Библиография

- АЙБАБИН А.И. О локализации области Дори // МАИЭТ. – Симферополь, 2015. Вып. XX.
БОРОДИН О.Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. – М., 1991.
ЛАТЫШЕВ В.В. Этюды по византийской эпиграфике // ВВ. – СПб., 1894. Т. I.

- ТИХАНОВА М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // МИА. – 1953. № 34.
- ЯКОБСОН А.Л. Средневековый Крым. – М.; Л., 1964.
- MIGNE J.P. Patrologie Cursus Completus. Series Latina. CXXIX. Paris, 1864.
- Nikephoros patriarch of Constantinople short history / Text, tr. and com. by C. Mango. – Washington, 1990.
- OHME H. Das Concilium Quinisextum und seine Bischofsliste. Berlin-New York, 1990.
- Prisciani Grammatici Caezariensis. Institutionum Grammaticarum / Ed. M. Hertzii. Leipzig, 1855. Libri XVIII.
- Procopius. On Buildings / Translated by H. B. Dewing, G. Downey. Loeb Classical Library. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1940. P. 3-363.
- The Chronicle of Theophanes Confessor: Byzantine and Near Eastern History AD 284-813 / Text, tr. and com. by Mango C., Scott R. – Oxford, 1997.
- VASILIEV A.A. The Goth in the Crimea, Cambridge, 1936.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

«Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

ВИЗАНТИЙСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ТАВРИКИ В XI В. И НОВАЯ ПЕЧАТЬ ЛЬВА АЛИАТА ИЗ ХЕРСОНА²

История развития византийской административно-политической системы в Крыму всегда находилась в поле зрения ученых – византинистов. Особый интерес неизменно проявлялся к вопросам сохранения византийской администрации в период начавшегося распада феодального строя и особенно в XI столетии. Слабая освещённость проблемы в источниках и лишь редкие свидетельства памятников археологии (эпиграфика и сфрагистика) долгое время обозначали на политико-административной карте средневекового Крыма (и византийского Херсона в частности) своеобразную *terra incognita*.

Сегодня появление все новых и новых материалов, напрямую или косвенно касающихся проблем формирования византийских органов власти на территории Таврики, в известной мере способствует тенденции к сокращению числа белых пятен в этой области.

Напомним, что благодаря Эскуриальскому Тактикону, созданному около 971-975 гг., известно, что к концу X столетия на территории византийской Таврики существовало, по крайней мере, три административных имперских образования - фемы Херсона, Понта Евксинского и Боспора, правители которых занимали в византийской служебной иерархии соответственно 44-е, 45-е и 87-е места, а среди 82-х существовавших к тому времени имперских стратигов 40-е, 41-е и 82-е (Oikonomidès 1972: 266-267⁹⁻¹⁰, 268-269¹⁷).

Однако, другие источники, за исключением Херсона, пока хранят по этому поводу абсолютное молчание. Лишь давно и хорошо известная строительная надпись Льва Алиата 1059 года (Латышев 1895: 184-188) и обнаруженные в последнее время памятники сфрагистики – печати стратигов Сугдеи, турмарха Готии и редкие моливдовулы византийских чиновников в какой-то мере подтверждают или скорее дополняют

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10106 «Византийский Херсон VI–XIII столетий в памятниках сфрагистики».

данные о том, что византийская администрация в Таврике все-таки существовала не только в Херсоне. В тоже время сама структура византийской административной системы в Таврике XI столетия по-прежнему остается мало понятной и весьма дискуссионной.

Фема Боспор. Боспорский стратиг в служебной иерархии занимает лишь последнее место. Однако, несмотря на очевидный незначительный статус, его присутствие в официальном имперском документе, вне всякого сомнения, говорит о включении этого региона в орбиту византийского административного управления, а, следовательно, мы в праве ожидать и появления здесь соответствующих атрибутов, присущих имперскому бюрократическому аппарату - моливдовулов чиновников. Тем не менее, сегодня нам по-прежнему известны лишь единственная булла стратига Боспора, протоспафария Аркадия конца X – начала XI в. (Schlumberger, 1895: 206-207), печать спафария Боспора Георгия Цулы (ГИМ 159), датируемая началом XI в. (Соколова, 1971: 70, № 1), и лишь однажды виденная печать местного нотариуса первой половины IX в., местонахождение которой не известно.

В тоже время, как нам представляется, косвенным подтверждением того, том, что представители византийской администрации безусловно существуют на Боспоре в X–XI вв., являются находки печатей боспорских адресантов, представляющих как представителей имперских центральных или провинциальных ведомств, так и высокопоставленных придворных вельмож: стратига Македонии (Лихачев 1991: 149, № 12), турмарха Готии (Алексеев 2006: 566), аристократов Михаила Псилиана и Никифора Ко... (родовое имя которое не полностью сохранилось) и др.

Фема Понта Эвксинского. Печатами стратигов этой фемы до сих пор не известно. Как впрочем, ничего неясно и в отношении подвластной им территории. В этой связи, не мало вопросов существует и по вопросам административного управления в византийской Сугдеи. И главный - в праве ли мы сопоставлять владения ее стратигов фемой Понта Эвксинского или нет? Но даже если соотнести сугдейских стратигов с правителями фемы Понта Эвксинского, то все равно возникает невольное противоречие в существовании административно самостоятельной Сугдеи «сфрагистической» и Сугдеи в составе фемы Херсона из надписи Льва Алиата.

Известные на сегодня печати стратигов Сугдеи (6 экз.) относятся к XI в. (по мнению В.И. Булгаковой, к его первой половине). Четыре из них принадлежат протоспафарию Георгию, родовое имя которого плохо сохранилось, но восстановлено издателями как Муселе (Баранов, Степанова 1997: 84, 86, рис. 1.2-4; Stepanova 1999: 49-50, нг. 2a-c

Булгакова 2008: 315, № 30); две - патрикию Иоанну (Степанова, Фарбей 2006: 303-304, № 2; Булгакова 2008: 314-315, № 29).

Учитывая соседство Херсона и Сугдеи в надписи Алиата 1059 г., Е.В. Степанова высказала мнение о том, что в данном случае речь идет не о вхождении Сугдеи в Херсонскую фему, а об объединении двух фем под командованием одного стратига (Степанова 2001: 105). В тоже время В.И. Булгакова ограничивает существование сугдейской фемы именно 1059 годом (Булгакова 2008: 314-315, № 29-30). В.П. Степаненко, отмечая экстраординарную возможность объединения лишь военного руководства, опираясь на находки в Сугдее печатей русских князей и наместников Тмутаракани последней четверти XI в., напротив, считает, что в этот период здесь благополучно существовала самостоятельная фема (Степаненко 2015: 65). В пользу данного тезиса, надо полагать, свидетельствует и находка печати Никифора Алана, катепана Херсона и Хазарии (Алексеев, Цепков 2012: 7-17), бесспорно относящейся ко второй половине XI в., на которой топоним Сугдеи как раз таки отсутствует. Последнее обстоятельство существенно влияет и на традиционное понимание роли и статуса Херсона в рассматриваемый период.

Фема Херсон. Метаморфозы херсонской администрации периода кризиса фемного строя (да и не только) стали известны в основном лишь благодаря находкам соответствующих памятников сфрагистики. И, вне всякого сомнения, существенную помощь в решении вопросов, связанных с формированием аппарата управления рассматриваемого периода могут оказать лишь новые местные моливдовулы. Однако херсонских печатей собственно XI столетия совсем немного (до 20-30 экз. из более чем 400). Опираясь на данные датированных печатей (Oikonomides 1986: 76-88, по 73, 80-82, 89) к памятникам данного круга можно отнести моливдовулы лишь некоторых стратигов Херсона (Alekseyenko 2012: 168-198, по 83-92). Обратим внимание, что у одного из них – Георгия Цулы, кроме традиционных печатей с указанием должности и топонима, известны и печати с указанием только одной должности (Alekseyenko 2012: 234-236, по 156.1-6). Чем вызвано данное обстоятельство, пока не ясно. Однако такая практика достаточно часто встречается на буллах византийских чиновников XI в. Например, известны печати патрикиев и стратигов Григориев Алана, Кладона, Маврокатакалона (Jordanov 2006: 46-47, 211, 280, по 21-22, 313, 441) и ряд других.

В то же время присутствие на печати должности владельца не позволяет безоговорочно ее рассматривать как личную печать для частной корреспонденции. Скорее всего, опускание имени топонима на

печати было вызвано какими-то вполне определенными причинами и отнюдь не недостаточностью места на поле печати.

В этой связи вернемся к стратигу Херсона Льву Алиату. К сожалению, этот византийский вельможа кроме как по херсонской строительной надписи долгое время более нигде не был известен. Лишь в середине 1990-х гг. В. Зайбт сообщает о двух его не изданных печатях: одной из коллекции Г. Закоса, а второй (очень плохой сохранности) из херсонесского собрания (Зайбт, Зайбт 1995: 94). Примечательно то, что на них владелец так же не обозначает место своей службы. К сожалению В. и Н. Зайбты в своей публикации не указывают реквизиты херсонской печати Алиата, а в сочетании с ее плохой сохранностью это в значительной мере затрудняет ее поиск в музейном инвентаре.

Однако благодаря новейшим исследованиям городища мы имеем возможность ввести в научный оборот еще одну печать Льва Алиата (Рис. 1), недавно обнаруженную в средневековом квартале северо-восточного района Херсонеса (раскопки С.В. Ушакова в 2015 г.).

1. Печать Льва Алиата, патрикия и стратига

Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»

Инв. № 31392.

D- 27 мм; толщина пластинки ок. 2,5 мм; вес 16,9 г.

На оборотной стороне следы механического повреждения, затронувшие несколько литер легенды в четвертой и пятой строчках легенды.

Рис.1.

Аверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин погрудное изображение св. воина Феодора с остроконечной бородой, в доспехах и плаще, держащего в правой руке копье, а в левой щит; анфас. Над головой святого жемчужный нимб. По сторонам фигуры имя святого в столбик: слева – Θ|ΘЄ|Ο; справа – Δ|ΩΡ|Ο – 'Ο (ἁγίος) Θεόδωρος(ς).

Реверс. В ободке из слившихся в одну линию жемчужин шестистрочная надпись, украшенная сверху розеткой и лепестком справа:

✱-
+ΚΕΡΘ·
ΛΕΩΝΤΙ
ΠΡΙΚΙΩΣ
ΣΤΡΑΤΙΓ·
ΤΩΑΛΙΑ
-ΤΗ

Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει)
Λέοντι
πα(τρ)ικίῳ (καὶ)
στρατηγῷ
τῷ Ἀλιά
-τη(ς)

Κ(ύρι)ε β(οή)θ(ει) Λέοντι πατρικίῳ καὶ στρατηγῷ τῷ Ἀλιάτης -
Господи, помоги Льву, патрикию и стратигу из рода Алиатов.

Судя по воспроизведенной австрийскими исследователями легенде неизданного моливдовула из коллекции Г. Закоса (Зайбт, Зайбт 1995: 94) херсонская находка идентична последнему.

Сфрагистический тип и характерные особенности использованного на печати шрифта свидетельствуют о бесспорной принадлежности буллы к памятникам XI столетия.

Принимая во внимание два обстоятельства: надпись Льва Алиата, стратига Херсона и Сугдеи (1059 г.) и сообщение о херсонском «котопане» (1066 г.) в Лаврентьевской летописи (ПСРЛ 1846: 71-72), границы датировки нашего памятника, очевидно, возможно даже существенно сузить и отнести его ко времени около середины XI в.

Византийская Таврика в XI в. Как известно, первая половина XI столетия выдалась для Таврики относительно спокойной. Не исключено, что в соответствии с Эскуриальным Тактиконом на территории могло существовать несколько военно-административных областей. По крайней мере, кроме Херсона, мы можем говорить о Боспоре, для которого все-таки известна одна печать стратига конца X – начала XI вв. Печати стратиггов Сугдеи, к сожалению, достаточно сложно датировать узкими отрезками времени. Однако, скорее всего, несмотря на точку зрения В.И. Булгаковой, они все-таки принадлежат ко второй половине столетия. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют и крупные, высокорельефные изображения святых воинов, и использование более мелкого квадратного шрифта, характерного для памятников сфрагистики второй половины XI – XII вв.

После безызвестных событий 1016 г., связанных с Георгием Цулой (Соколова 1971: 68-74; Соколова 1973: 212-214; Соколова 1983: 103-106; Cheynet 1990: 35-36, нр. 19; Богданова 1991: 118-119; Степаненко

1992: 125-133; Алексеенко 1995: 81-87; Алексеенко 1998: 730-733; Литаврин 1998: 923-931; Степаненко 2011: 153-161), не исключено, что в регионе могла наступить некая стабильность, хотя по-прежнему существовала серьезная угроза нападения кочевников - печенегов. Несмотря на то, что при Константине IX Мономахе (1042-1055) с ними был заключен долгосрочный мир (1053 г.), их набеги не прекратились. По замечанию В.Г. Васильевского, именно к 1059 г. печенеги вновь «выползли из своих нор» и принялись опустошать имперские земли (Васильевский 1872: 136). Видимо, обострение внешнеполитической обстановки в Таврике уже в правление Исаака I Комнина (1057-1059) вынудило власти на местах приступить к укреплению позиций империи на ее северных границах, которое вылилось не только в ширококомасштабные работы по усилению обороноспособности крымских крепостей (в частности Херсона), но и консолидации военных сил, объединенных под властью одного стратига. Безусловно, именно в силу этих обстоятельств Лев Алиат и назван в надписи стратигом Херсона и Сугдеи.

Однако предположим, что в середине XI столетия в Таврике уже существовала лишь одна фема Херсона, в которую могли войти все византийские земли Таврики, и, очевидно, в таком случае ее правителю было достаточно указать лишь название своей должности и имя, чтобы получатель корреспонденции знал, от кого послание. Хотя напомним, что все известные херсонские стратиги первой половины XI в. обязательно указывали место своей службы. Тем не менее, топонимических печатей Льва Алиата нам до сих пор не известно. В то же время весьма маловероятно, что Алиат, оставив пост стратига Херсона, сохранил на своей печати указание на свой прежний статус.

Судя по всему, к 1059 г. Херсон получает определенное административно-политическое усиление и территориальное развитие, что сразу же отражается в титулатуре его правителя. Надо полагать, что в начале 1060-х ситуация меняется, в связи с всё возрастающей угрозой кочевников происходит очередное переформатирование византийских владений в регионе. Херсон, превратившись в катепанат, получает в свою юрисдикцию обширные хазарские земли степного и северо-восточного Крыма, а Сугдея (не исключено, что вместе с Боспором), если верны определения и датировки печатей ее стратигов, выделяется в самостоятельную структуру в качестве своеобразной морской фемы, призванной контролировать восточно-крымский регион, Приазовье и Кавказское побережье Понта. Косвенно в пользу этого тезиса, как нам представляется, свидетельствуют находки печатей русских князей и наместников Тмутаракани именно в Сугдее и районе Боспора, а не в Херсоне. Не вызывает сомнения, что русская владетельная

корреспонденция могла быть адресована лишь аналогичным представителям официальной власти в регионе.

Таким образом, очередная находка, безусловно, ценного и важного сфрагистического источника в Херсоне, вновь нас вернула к старым общеисторическим проблемам развития региона в один из наиболее сложных и «темных» периодов его истории, а также надеюсь, в какой-то мере, позволила на основе новейших данных заострить отдельные из вопросов политико-административного развития Таврики и привести некоторые наблюдения на этот счет. Безусловно, недостаточность источников оставляет многие позиции спорными и дискуссионными. В завершении остается лишь выразить надежду, что впереди нас ожидают новые интересные находки и возможно благодаря им мы получим долгожданные ответы на интересующие нас вопросы.

Библиография

- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса // Древности 1995. – Харьков, 1995.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. Вып. VI.
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Византийская администрация на Боспоре во второй половине X в. (по данным памятников сфрагистики) // МАИЭТ. – Симферополь, 2006. Вып. XII (2).
- АЛЕКСЕЕНКО Н.А., ЦЕПКОВ Ю.А. Катепанат в Таврике: легендарные свидетельства или исторические реалии // ХСб. – Севастополь, 2012. Вып. 17.
- БАРАНОВ И.А., СТЕПАНОВА Е.В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. – Симферополь, 1997. Вып. 1.
- БОГДАНОВА Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. – М., 1991.
- БУЛГАКОВА В.А. Сигиллографический комплекс порта Сугдеи (материалы подводных исследований 2004-2005 гг.) // Сугдейский сборник. – Киев; Судак, 2008. Вып. III.
- ВАСИЛЬЕВСКИЙ В.Г. Византия и печенеги // ЖМНП. – 1872. Ноябрь.
- ЗАЙБТ Н., ЗАЙБТ В. Печати стратигов византийской фемы Херсон // АДСВ. – Симферополь, 1995. Вып. 27.
- ЛИТАВРИН Г.Г. Восстание в Херсоне против византийской власти // Полотропов / к 70-летию В.Н. Топоркова. – М., 1998.
- ЛИХАЧЕВ Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство. – М., 1991. Т. 19.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Том. I. – СПб., 1846.

- СОКОЛОВА И.В. Монеты и печати византийского Херсона. – Л., 1983.
- СОКОЛОВА И.В. Печати Георгия Цулы и события 1016 года в Херсоне // Палестинский сборник. – 1971. Вып. 23 (86).
- СОКОЛОВА И.В. Администрация Херсона в IX–XI вв. по данным сфрагистики // АДСВ. – Свердловск, 1973. Вып. 10.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Архонт Хазарии – стратиг Херсона? // ХСб. – 2011. Вып. 16.
- СТЕПАНЕНКО В.П. К истории средневековой Таврики // АДСВ. – Барнаул, 1992. Вып. 26.
- CHEYNET J.-CL. Pouvoir et conrestations à Byzance (963-1210) // Byzantina Sorbonensia 9. – Paris, 1990.

Д.Е. АФИНОГЕНОВ
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

НОВЫЕ ФРАГМЕНТЫ УТРАЧЕННОГО ИУДЕЙСКО- ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА ПО ДРЕВНЕЙ БИБЛЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Жанр так называемой «всемирной хроники», как правило, предполагает компиляцию повествования из различных источников. Многие из этих исходных материалов до нашего времени не дошли, и реконструкция их представляет довольно сложную задачу. Именно такой случай — некий текст, описывавший библейскую историю и использованный независимо друг от друга византийскими хронистами Георгием Монахом (846/847) и Симеоном Магистром и Логофетом (конец X в.). Проблема заключается в том, что наряду с обращением, прямым или опосредованным, к известным иудейским псевдэпиграфам, например, книге Юбилеев, эти сочинения содержат материал, почерпнутый из неизвестных нам текстов (Adler 1989: 193-206). Тем более важны любые новые сведения, позволяющие составить более определенное представление об этих текстах.

Оригинал славянского перевода хроники Георгия восходит к промежуточной редакции произведения, выполненной между 847 и примерно 870 г. и послужившей основой для более глубокой переработки, в результате которой возникла т.н. «вульгата» (издание: Georgii Monachi 1904, 1978). Однако в нем есть одно существенное добавление, а именно несколько фрагментов, дополняющих существующее изложение и относящихся к древнебиблейской истории (книга Бытия и начало Исхода). Поскольку эти, главным образом, небольшие пассажи обладают тематическим единством, а в некоторых случаях с очевидностью являются правкой текста с обращением к тому же самому источнику, откуда он был почерпнут, следует предположить:

1. В распоряжении неизвестного византийского переписчика оказалось некое одно самостоятельное произведение, которое он использовал для улучшения текста.

2. Дословные совпадения славянских фрагментов с хроникой Симеона Магистра показывают, что Симеон эксцерпировал то же произведение.

3. Дословные совпадения между Симеоном и хроникой Георгия в тех же разделах и по той же тематике показывают, что это же сочинение было под рукой и у автора самой первой версии последнего.

Основные мотивы, представленные как в хрониках, так и в славянских дополнениях, таковы:

1. Этиология ремесел и искусств (какой из библейских персонажей какое занятие изобрел).

2. Эвгемерическое объяснение происхождения греческих богов (Кронос, Зевс, Гера и т.п.).

3. Происхождение идолопоклонства.

4. Агадического типа рассказы о библейских персонажах.

Второй пункт говорит о том, что утраченное произведение, скорее всего, возникло в среде эллинистического еврейства.

Библиография

ADLER W. The Time Immemorial. Archaic History and Its Sources in Christian Chronography from Julius Africanus to George Syncellus. – Washington, 1989. (Dumbarton Oaks Studies. 26).

Georgii Monachi chronicon / ed. C. de Boor. Editio stereotypa correctior, cur. P. Wirth. – Stuttgart, 1978.

Symeonis Magistri et Logothetae chronicon / ed. S. Wahlgren (Corpus Fontium Historiae Byzantinae, XLIV/1). – В.; N.Y., 2006.

Лѣтовникъ сокращенъ отъ различныхъ лѣтописецъ же и повѣдателии, избранъ и съставленъ отъ Георгия грѣшнаго инока / изд. Обществомъ любителей древней письменности. Вып. 26, 56, 69. – СПб, 1878, 1880, 1881.

О.Н. АФИНОГЕНОВА
ЦНЦ «Православная энциклопедия»
(Москва)

СВЯТЫЕ БЕССРЕБРЕНИКИ КОСМА И ДАМИАН: ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА

При любом соприкосновении с изучением традиции почитания Космы и Дамиана немедленно возникают два вопроса: 1. Сколько всего было святых? 2. Почему у трех разных пар братьев такие схожие обстоятельства земного бытия?

Действительно, в церковном календаре обнаруживаются сразу три пары святых врачей, которых звали Косма и Дамиан: преподобные Асийские (пам. 1 ноября), умерли своей смертью в северной Сирии; мученики Римские (пам. 1 июля) – убиты из зависти врачом-язычником при имп. Карине (283–285); мученики Аравийские (пам. 17 октября) – приняли мученическую кончину вместе с др. своими братьями: Леонтием, Анфимом и Евпрепием в г. Эги (Киликия) в гонение имп. Диоклетиана (284–305). Признание трех групп этих святых совершенно различными имело место уже в Византии. Эта традиция была впоследствии воспринята и в Древней Руси.

Детальное исследование комплекса агиографических текстов, посвященных Косме и Дамиану, началось в XVII в., и почти сразу возникла точка зрения, согласно которой именно «асийская» (от провинции Асия в Малой Азии) версия является исходной, поскольку она наиболее широко представлена в рукописях (около 70), тогда как две другие традиции бытовали всего в нескольких рукописях.

Многие исследователи разделяли эту позицию, считая первоначальной традицией «асийскую», а «аравийскую» – происходящей из Рима, на основании того, что в Константинополе не было литургического отражения «аравийской» памяти – 17 октября, в отличие от четко представленных литургически двух других традиций. Однако существовало и мнение, что исходная традиция – «аравийская», так как она сохранила признаки использования мученических актов.

Наиболее глубокий на сегодняшний день анализ комплекса текстов о Косме и Дамиане принадлежит М. Ван Эсбруку, который выделил несколько этапов в разделении одного предания на три. Он же отметил

главный парадокс культа: отсутствие бытования сказаний «асийского» и «аравийского» типа в сирийском регионе и отсутствие «римского» сказания непосредственно в самом Риме.

Вероятно, ключ к разгадке столь разветвленной агиографической традиции, фактически утроившей Кому и Дамиана, следует искать в их профессии. Почитание целителей в надежде на их чудесную помощь при болезнях распространялось необычайно быстро. Вместе с устными и письменными преданиями, скорее всего, расходились по разным областям Византии и частицы мощей. Дни памяти их перенесения становились новыми днями памяти непосредственно самих святых, а в центрах почитания (храмах и монастырях), где хранились реликвии, возникали новые предания о «своих собственных» Косме и Дамиане.

Н.Д. БАРАБАНОВ
Волгоградский государственный университет
(Волгоград)

ВИНО В ВИЗАНТИИ. РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Вино в традиционных греческих представлениях обладает сложной природой, это напиток одновременно опасный и благотворный, это и яд, и дар богов, и, разумеется, важный пищевой продукт. Понятен давний научный интерес к феномену вина, отразившийся в большом количестве исследований, которые касались его производства, ассортимента, места в рационе и традициях, в торговле. В меньшей мере, но затрагивалась роль вина в религиозных представлениях и практиках античности и средних веков. Новейшим образцом, имеющей отношение к теме историографии, является сейчас монография Беатрисы Казо (Cazeau 2015). Однако именно на византийских материалах религиозные аспекты проблемы освещены в наименьшей степени и крайне неравномерно. Если осмыслению евхаристии по понятным причинам уделялось огромное внимание, то к вину в повседневном обиходе и, особенно, в контексте народных верований, интерес неоправданно мал. На данном уровне знакомства с темой представляется целесообразным выделить нескольких ее компонентов.

Античность. Предполагается естественное для Византии сохранение античных традиций, их осмысление и трансформация в зависимости от развития ситуации в обществе, в частности, от процесса христианизации. Что касается вина, то хорошо известно, насколько развита была культура его потребления в Греции. Достаточно напомнить о традициях праздничных церемоний и симпозиа (Лиссараг 2008; Wilkins, Shaun 2006: 164- 184). Трепетное отношение к вину являли интеллектуалы, писавшие о нем. Авторитетным, надо полагать, было мнение Платона, размышлявшего о том, в каком возрасте и в какой степени можно общаться с этим напитком. Философ решил, что только сорокалетние люди могут полноценно пировать, поскольку «ионис даровал людям вино как лекарство от угрюмой старости» (Платон. Законы. 666.в-с). Раннехристианский писатель Климент Александрийский явно не без влияния Платона выражал тот же взгляд.

Религиозные аспекты обращения с вином известны уже по произведениям Гомера. «Мужи вино проливали из кубков; не смел ни единый пить, не возлив наперед всемогущему Кронову сыну» (Ил. 7.480-481). Вино посвящали Зевсу Спасителю (Сотеру) или «доброму богу» (Дионису). Одиссей совершал возлияния душам мертвых (Од. 11.25-30). Схожие ритуалы существовали в римском обществе, что выражалось на бытовом уровне в традиции *sacra mensae* (Кнабе 1986: 135). Длительное сохранение в Византии связанных с вином античных ритуалов зафиксировал канон V(VI) Трулльского собора (691-692 гг.), осудивший возгласение имени Диониса в процессе производства этого напитка. Преемственность традиций виноделия и винопития прекрасно демонстрирует византийская сельскохозяйственная энциклопедия X в. «Геопоники».

Священное Писание. Речь идет о влиянии текстов Ветхого и Нового Заветов на отношение византийцев к вину. Только в Ветхом Завете этот напиток упоминается около 140 раз, что позволяло составить представление о его появлении как одном из лучших даров Творца (Второзаконие 7: 13; 33: 28; Книга Судей 9: 13; Псалтирь 103[104]: 15; Исаия 55: 1), о его производстве, бытовом потреблении и роли в жертвоприношении. При этом было очевидно негативное отношение к чрезмерному увлечению вином (Сирах 31: 29-37), которое унаследовали и распространяли многие раннехристианские писатели. Новый Завет усложнил проблему отношения к вину, с одной стороны, феноменом Евхаристии, с другой – высказываниями апостола Павла, который в одном случае рекомендовал не пить вина (Рим. 14:21), в другом – употреблять его ради поддержания здоровья (I Тим. 5:23).

Патристика. В раннехристианской литературе и святоотеческих творениях тема отношения к вину присутствует как актуальная и даже как стержневая для модели поведения христианина. В данном случае представляется достаточным напомнить, что Тертуллиан, Климент Александрийский, святые Василий Великий, Кирилл Александрийский, Исаак Сирин, Евагрий, Иоанн Златоуст и их последователи, в духе ветхозаветных традиций проповедуя умеренность, осуждали не вино как таковое, а злоупотребление им. Осуждение пьянства стало церковной традицией, которая нашла отражение во множестве риторических произведений, к примеру, таких как «Гомилии» св. Григория Паламы. Речь в данном контексте шла, по сути, о том, что еда и питье влияют на спасение или гибель человека.

Монашество и вино. Данный аспект темы многократно привлекал внимание исследователей в рамках изучения монашеского рациона, что стало возможно благодаря сохранившимся в значительном количестве монастырским уставам (Talbot 2007). Типики позволяют проследить

эволюцию отношения к вину в монашеских сообществах – от его полного отрицания в египетских общинах Пахомия до интенсивного производства и употребления в византийских обителях XI–XII вв. Общая тональность правил, как, к примеру, в случае с мнением преп. Феодора Студита, состояла не в осуждении напитка, а только в разумном ограничении его потребления. По подсчетам М. Дембинской, суточный рацион вина в византийских монастырях колебался от 539 гр. (в женских) до 874 гр. (в мужских) (Dembinska 1985: 460). Устав преп. Афанасия Афонского, данный его знаменитой Лавре, позволял потребление вина работникам обители даже во время Великого поста. Источники, вроде широко известного сочинения Птохопродрома и жития святых подвижников, к примеру, преп. Максима Кавсокаливита, показывают изрядную, мягко говоря, привязанность иноков к веселящему напитку.

Медицина. Речь, разумеется, о широчайшем использовании вина и даже винного осадка в составе различных смесей, которые служили в качестве лекарственных средств. Сборник такого рода рекомендаций – византийский медицинский трактат XI–XIV вв. (Медицинский трактат 1997), некоторые рецепты которого явно находятся на условной границе с магическими приемами врачевания. Античные представления о целительной силе вина в византийское время находили подтверждение в евангельском рассказе о добром самаритянине, который спас раненого разбойниками человека с помощью масла и вина (Лк. 10: 34).

Интеллектуалы о вине. О вкусовых качествах напитка, особенно в зависимости от места его производства, писали многие представители византийской интеллигенции, которые нередко выражали зависть друг к другу по поводу доступности наиболее престижных вин. В данном случае объектом анализа является энкомий вину Михаила Пселла (Garzya 1965). Знаменитый автор воспел вино, сочетая связанные с ним античные образы и традиции с ветхозаветными персонажами, что для нашей темы представляет особую важность.

Фольклор и народные представления. Для изучения этого аспекта темы неизбежно привлечение материалов новогреческого фольклора и этнографии. Напомню, что в этом нет ничего необычного – Х.-Г. Бек, изучавший византийские представления о загробном мире, считал новогреческие плачи и песни, зафиксированные исследователями, главным образом, в XIX в., имеющими византийское происхождение. Речь в данном случае идет о том, что вино в народных обрядах символизирует кровь, здоровье и жизнь. Погребальные ритуалы предполагают активное использование вина, вплоть до поливания красным вином покойника, лежащего в гробу. Харос, страшный персонаж загробного мира, считался виноградарем, давившим людей в

чане, чтобы изготовить из их крови вино. Праздничные дни календаря превращались в настоящие винные фестивали, посвященные почитаемым в это время святым.

Библиография

Геопоники. Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века. Пер. и комм. Е.Э.Липшиц. – М.-Л., 1960.

Византийский медицинский трактат XI–XIV вв. / Пер. и комм. Г.Г. Литаврина. – СПб., 1997.

КНАБЕ Г.С. Древний Рим – история и повседневность. Очерки. – М., 1986.

ЛИССАРАГ Ф. Вино в потоке образов. Эстетика древнегреческого пира. – М., 2008.

CASEAU B. Nourritures terrestres, nourritures célestes. La culture alimentaire à Byzance. – Paris. 2015.

DEMBINSKA M. Diet: a Comparison of Food Consumption between some Eastern and Western Monasteries in the 4th – 12th Centuries // Byzantion. – 1985. T. LV. Fasc. 2. P. 431-462.

GARZYA A. Un encomio del vino inedito di Michele Psello // Byzantion. – 1965. T. 35. P. 418-428.

TALBOT A.-M. Mealtime in monasteries: the Culture of the Byzantine Refectory // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19) – Food and Wine in Byzantium (Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honor of Prof. A.A.M. Bryer) / Ed. L. Brubaker, K. Linard. – Bodmin, 2007. P. 109-123.

WILKINS M., SHAUN H. Food in the ancient world. – Padstow, 2006.

М.В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

«РУССКИЕ МОНАСТЫРИ» В ВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЕ

Почти столь же давнюю тысячелетнюю историю, как и само христианство на Руси, имеет традиция паломничества русских поклонников в Святую Землю.

В начале XII в. игумен Даниил посетил Святые места, описав свой путь в «Хождении».

В 1065 г. на пути из паломничества в Иерусалим и Константинополь скончался во Владимиро-Волынском Святогорском монастыре Успения Богородицы Варлаам Печерский – первый игумен Киево-Печерского монастыря (ПСРЛ 2001. Т.1: 158-159).

В 1167 г. (или в 1173 г.) в Иерусалим прибывает паломница из дома Рюриковичей – святая княгиня Евфросиния Полоцкая – просветительница Белоруссии, «неокопанное корение Русьстей земли», как ее славили современники. Об этом повествует «Житие св. Евфросинии Полоцкой», созданное вскоре после кончины княгини и погребения ее у Иерусалима в Лавре св. Феодосия. В паломничество княгиня отправилась уже будучи игуменьей основанного ею в Полоцке женского Спасского монастыря, за которым утвердилось имя Евфросиньевского. Внучка известного полоцкого князя Всеслава Брячиславича, дочь витебского князя Святослава, она в 12 лет ушла из дома, совершила монашеский постриг и несла послушание в полоцком соборном храме Святой Софии. В дальнейшем стала основательницей женской Спасо-Преображенской обители, а также мужского Мариина монастыря во имя Пресвятой Богородицы в Полоцке. В Софийском соборе Полоцка по заказу преподобной в 1161 г. был изготовлен и хранился на престольный крест с вложенными частицами святых мощей и фрагмента Живоносного Древа Креста Господня. Другим благочестивым поступком Евфросинии Полоцкой стало ее прошение и способствование перенесению в ее обитель чудотворного образа Корсунской Эфесской Божией Матери, с которого было сделано на Руси множество списков. Сам образ (по сведениям Жития) был прислан

византийским императором Мануилом I Комнином, с которым Евфросинья встретилась по пути в Палестину, была им принята и в Константинополе же получила благословение в путь к Святой Земле от известного Вселенского Патриарха Луки Хрисоверга. Ее сопровождали двоюродная сестра Евпраксия Борисовна и брат Давид Святославич.

Паломничество полоцкой преподобной явилось образцом чистоты помысла и благочестия. Она поклонилась Гробу Христову, потом поставила при гробе золотое кадило и принесла много даров Церкви Иерусалимской и Патриарху. Блаженная Евфросинья обошла и прочие достославные места в окрестностях Иерусалима; поклонившись с великим умилением святыням, княгиня поселилась в монастыре, *называвшемся Русским* и находившемся при церкви, выстроенной в честь и во славу Богородицы (Сапунов 1888: 11-12; Жития 1993: 673).

Сама кончина достигшей преклонного возраста и занемогшей полоцкой паломницы, свершившаяся по ее собственной молитве в Святой Земле 23 мая 1173 г., и погребение ее тела в Феодосиевом монастыре на паперти храма, недалеко от могилы матери прп. Саввы Освященного и матери прп. Феодосия Великого, доказывает высокий смысл духовного подвига полоцкой просветительницы. Ее святые мощи, перенесенные в 1187 г. в Киево-Печерскую лавру, только в начале XX в. (1910) нашли окончательное упокоение на родине святой, в Полоцке. Однако в монастыре Феодосия Великого под Иерусалимом до сих пор можно видеть чтимое место первоначального погребения преподобной.

Что касается свидетельства о Русском монастыре в Иерусалиме в последней трети XII в., текст «Жития Евфросинии Полоцкой» в этом отношении уникален. То, что княгиня останавливалась в Святом граде «у святых Богородицы в русском монастыри», является единственным, но очень важным упоминанием русской Богородичной обители в Иерусалиме, существовавшей уже в XII в.

Поскольку автор «Хождения» в Святую Землю игумен Даниил в начале XII в. (принятая датировка 1106-1107 гг.), очень внимательный и тонкий наблюдатель, ничего не говорит о русском монастыре в Святой земле, хотя подробно сообщает о других обителях, резонно заключение о возникновении Русского Богородичного монастыря в Иерусалиме в период между примерно 10-ми и 60-ми гг. XII в. (скорее, ближе к концу этого периода) (Назаренко 2001: 634). Вряд ли русская обитель, возникшая в обстановке усиления византийского православного влияния в Палестине, в условиях сближения династической политики крестоносных латинских королевств в Святой Земле с Византийской империей, правящим там домом Комнинов (с соответствующими строительными и реставрационными акциями Византии в Иерусалиме, Вифлееме, Газе и т. п.) (Lilie 1981: 173-174; Neyer 1984: 122, 276),

смогла пережить захват Иерусалима султаном Салах-ад-дином (Саладином) в октябре 1187 г., положившим начало мусульманского господства в регионе. Больше об этом Русском монастыре в Иерусалиме ничего не сообщается.

Но это не единственное свидетельство о древнерусских обителях в Святой Земле. В «Житии св. Саввы Сербского» сообщается, что сербский архиепископ во время своего первого паломничества в Иерусалим (в 1229 г.) жил в лавре св. Саввы Освященного «у святого Михаила в русском монастыре, вблизи великой церкви», отождествляемой с лаврским собором (Доментијан 2001: 297; Назаренко 2005: 114-115). «Житие» создано в середине XIII в. учеником и спутником святого Доментианом и имеет характер достоверного свидетельства. Данные о русских монастырских постройках в Палестине подтверждаются и латинским «Паломничеством в Святую землю» вюрцбургского пресвитера Иоанна, посетившего Иерусалим в середине 60-х гг. XII в., т. е. практически одновременно с Евфросинией Полоцкой (Назаренко 2010: 224). Завершая повествование, вюрцбургский паломник заключает: «Итак, мы описали поклонные места в святом граде Иерусалиме, начав от церкви Святого Гроба, двигаясь по кругу от Давидовых ворот и снова к ним вернувшись, при этом не говоря о многочисленных часовнях и не столь знаменитых церквях, которые содержат там различные народы. Надобно знать, что там есть греки, латиняне, немцы, венгры, ирландцы, наваррцы, бретонцы, англы, русь, чехи, грузины, армяне...» (PL 155: 1088). Имеются ли здесь в виду только упомянутые Богородичный и Свято-Михайловский монастыри, или речь идет еще о каких-то «не столь знаменитых» часовнях и церквях, не известно.

Решение вопроса о датировке и локализации появления русских обителей в Св. Земле предложено А. В. Назаренко. «Где располагались русские Богородичный и Михайловский монастыри? Последний, согласно «Житию св. Саввы Сербского», был загородным, находясь на территории лавры св. Саввы (в Иудейской пустыне, между Иерусалимом и Мертвым морем). Именно там, в лавре св. Саввы, хотела быть погребенной и прп. Евфросиния Полоцкая, но не получила такого разрешения и в результате упокоилась в лавре св. Феодосия Киновиарха, также к востоку от Иерусалима. Такой отказ сановной паломнице, которая, безусловно, располагала денежными средствами, было бы нелегко понять, если бы обитель Пресв. Богородицы, где обитала княжна-игуменья, находилась, как и Михайловская, в лавре св. Саввы. Остается предположить, что в отличие от Михайловского (вероятно, мужского) монастыря, Богородичный (скорее всего, женский) входил в состав лавры св. Феодосия.

Естественно думать, что оба русских монастыря в Иудейской пустыне возникли из потребностей паломнического движения русских людей. Поэтому – возвращаясь к вопросу о датировке их возникновения – надо принять во внимание, что как раз в 60-е гг. XII столетия должно было наступить количественное оживление паломничества в связи с тем, что наступательная политика византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180) привела в то время к освобождению южного побережья Малой Азии от турок-сельджуков; в итоге стали возможны сухопутные маршруты от Константинополя до Киликийских ворот и далее – до Иерусалима.

Библиография

- ДОМЕТИЈАН. Житије светог Саве. – Београд, 2001.
Жития святых... Димитрия Ростовского. – Козельск, 1993. Кн. 9.
НАЗАРЕНКО А.В. Древняя Русь на международных путях. – М., 2001.
НАЗАРЕНКО А.В. От Дамiette до Калки (Восточнохристианские исповедания глазами Запада между II и VI Крестовыми походами) // Православный Палестинский сборник. – М., 2005. Вып.102.
НАЗАРЕНКО А.В. Русь и Святая Земля в домонгольское время (XI – первая треть XIII в.) // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. – СПб., 2010.
ПСРЛ = Полное собрание русских летописей.
САПУНОВ А. Житие Преподобной Евфросиньи княжны Полоцкия. – Витебск, 1888.
HEYER F. Kirchengeschichte des heiligen Landes. – Stuttgart, 1984.
LILIE R.-J. Byzanz und die Kreuzfahrstaaten... (1096 – 1204). – Muenchen, 1981.
PL = Patrologiae cursus completus. Series Latina.

А. Ю. ВИНОГРАДОВ

Национальный исследовательский Университет
«Высшая школы экономики»
(Москва)

**ПИСЬМЕННОСТЬ У «ВАРВАРОВ»-ХРИСТИАН
НА СЕВЕРНОЙ ПЕРИФЕРИИ ВИЗАНТИИ:
СТАТУС ЯЗЫКА АЛАН И КРЫМСКИХ ГОТОВ
В СВЕТЕ НОВЫХ ОТКРЫТИЙ³**

Традиционно признается, что крестившиеся народы на северной периферии Византии, особенно те, которые обладали политической самостоятельностью (дунайские готы, западные, южные и восточные славяне и др.), получали вместе с христианской культурой из империи и письменность на родном языке. Из этой картины долгое время выпадали два важных этноса — аланы и крымские готы. Однако находки последнего времени заставляют включить и их в описанную парадигму.

Для алан существование письменности предполагалось и ранее, но лишь на основе т.н. Зеленчукской надписи из окрестностей Нижнего Архыза (в совр. Карачаево-Черкесии), которая содержит выполненный греческим шрифтом список имен, соединенным иранским элементом форт «сын» (Zgusta 1987). Однако пропажа самой надписи, известной только по рисунку конца XIX в., и порожденные этим неясности в реконструкции и трактовке имен, их взаимоотношений и чтении конца надписи, равно как присутствие на камне греческой надписи и уникальность данного памятника порождали сомнения в устойчивом бытовании аланской письменности.

Но в последние десятилетия в научный оборот был введен петербургский паримиологий БАН гр. Q 12, написанный в 1275 г. и содержащий на полях выполненные греческим минускулом аланские схолии конца XIII–XIV вв. с переводом названий дней, в которые читались тексты пророчеств (Lubotsky 2015). Систематическая

³ В данной научной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X – XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

запись десятков кратких заметок уже не оставляет сомнений в том, что греческий алфавит регулярно использовался для записи аланских текстов. Отметим, что аланский клирик — владелец рукописи, очевидно, уже не понимал всех греческих обозначений праздников (в т.ч. из-за многочисленных сокращений), так что, возможно, и греческий текст пророчеств он произносил без полного понимания.

Среди этих аланских схолий присутствуют не только простые переводы или переложения названий праздников, но и некоторые интересные термины, касающиеся ранней истории Алании. Так, «канун преполовения Пятидесятницы» переводится как «пацинакское воскресенье», что, вероятно, отражает участие алан в битве византийцев с печенегами при Верии в 1122 или 1123 г. (Lubotsky 2015: 25-36). «Суббота Пятидесятницы, на вечерне» переводится как «праздник Основания» — в отличие от А. Любоцкого, мы предпочитаем видеть в этом обозначении не символическое обозначение Пятидесятницы как дня основания христианской Церкви (Lubotsky 2015: 26-28), а скорее дату основания Аланской кафедры и/или ее кафедрального собора (ср. энкении византийских синаксарей и закладку Сентинского храма на Антипасху 965 г.; см. Виноградов 2012): первый Аланский архиепископ Петр отбыл из Константинополя в феврале 914 г., так что он вполне мог приехать в Аланию до Пятидесятницы (5 июня 914 г.). Также важно свидетельство древнего происхождения дигорского названия понедельника *avdisœt*, что буквально означает «глава семи [дней]»: такой термин указывает, что счет дней недели в Алании начинался не с воскресенья (как обычно в христианском мире), но с понедельника. Такой счет известен у славян, абхазов, чеченцев и в двух надписях XIV в. из Готской митрополии в Крыму (см.: <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction.html#IV-4-F->) и может отражать древнюю причерноморскую традицию; аланы переняли его, очевидно, от абхазов.

Кроме того, на каменной стеле с изображением креста из того же региона — известной тоже только по рисунку (Помяловский 1881: 8, №. 12, табл. 3) — мы читаем довольно четко слово ΔΖΟΥΒΑΡ «крест, святилище», которое присутствует также в аланской глоссе упомянутого паримиология в форме τζουβάρ (Lubotsky 2015: 30-31). Такое различие в передаче звука *dz* показывает, что никакой орфографической нормы в передаче аланских слов греческими буквами не существовало, а записывались они, вероятно, со слуха. Петербургские схолии являются единственным точно датированным аланским текстом, написанным греческими буквами, так как обе упомянутые надписи не датированы. Поэтому мы не знаем точно,

когда греческий алфавит был приспособлен для аланского языка, однако вполне возможно, что это произошло вскоре после христианизации Алании.

Для крымских готов были известны несколько свидетельств того, что в позднем Средневековье они продолжали говорить на особом варианте готского языка, который мы знаем, однако, исключительно на основании записей О.Ж. де Бусбека середины XVI в. (см.: Ганина 2011). Однако у нас не было никаких указаний на то, что готский язык в Крыму был письменным (в какой бы то ни было форме), так что его обычно считали исключительно устным, использовавшимся в повседневном обиходе, тогда когда языком богослужения и культуры в Крыму должен был быть лишь греческий. Предположения же о готской письменности в Крыму основывались только на довольно произвольной трактовке «русских» писем Евангелия из Жития Константина Философа как готских. Единственный, кто независимо от этого утверждал существование готской письменности в Крыму, был Й.Ю. Скалигер в середине XVII в., который, однако, не указал источника своих сведений: «*atque adeo etiamnum in iisdem regionibus degunt sub Præcopensi Tatarorum Dynasta, & utrunque testamentum iisdem literis, quas excogitavit Wulfila, conscriptum, & eadem lingua, qua tempore Ouidii utebantur, interpretatum legunt*» (Scaliger 1658: 347).

Однако недавно на двух найденных еще в 1938 г. фрагментах карниза из Мангупской базилики были обнаружены пять готских граффити, выполненных шрифтом Вульфилы (Виноградов, Коробов 2015: 57-75), что подтвердило письменный характер готского языка в Крыму. Надписи выполнены на верхней стороне ранневизантийского карниза, происходящего, вероятно, из той же базилики и вставленного затем в стену верхней стороной наружу, где и были выполнены надписи. Судя по аналогиям из Крыма (базилика на Эски-Кермене, храмы в Кудрине и Верхоречье) и других областей Причерноморья (например, Св. София в Трапезунте), это была, скорее всего, южная стена апсиды. Время восстановления базилики — середина IX в., дает *terminus post quem*, а перекрытие готских надписей греческими граффити, датируемыми IX–X вв., — *terminus ante quem*.

Большинство надписей на фрагментах (3 из 5) — типичные для Византии инвокации: «Господи, помоги рабу Твоему такому-то», с добавлением эпитета скромности («грешному» и т.п.) и/или указания профессии («виноградарю», «священнику?»). Еще одна содержит начало личного имени. Наконец, самая пространная надпись состоит из Пс 76, 14-15 («Кто бог велий яко Бог наш. Ты если Бог, творяй

чудеса»), используемого в богослужении как великий прокимен на важнейшие господские праздники (Пасха, Рождество и др.), и составленной, вероятно, *ad hoc* и недописанной поэтической вариации на тему пасхального тропаря «Христос воскрес...» («Один воскрес навеки из мертвых и во вселенн...») — тема воскресения в обоих текстах может быть связана с восстановлением Мангупской базилики в середине IX в. Характерно, что язык надписей не демонстрирует существенных отклонений от языка перевода Библии Вульфила или схождений с вариантами Бусбека. Набор текстов, равно как и имен (византийское Дамиан и готское Винд-) показывает, что, с одной стороны, эпиграфический узус у крымских готов был чисто византийским, а с другой, что они, по всей видимости, обладали богослужением на родном языке и Библией в переводе Вульфила.

Из данных надписей неясно, когда именно крымские готы начали пользоваться алфавитом Вульфила: логично было бы его попадание к ним уже в ранневизантийский период, однако из Валафрида Страбона мы знаем, что нижнедунайские готы в районе Том еще в IX в. служили по-готски (Walahfrid Strabo 1996: 72), так что здесь нельзя исключать и позднейшего влияния соседей-готов. Не проясняет до конца ситуацию и архаическая форма алфавита (с сигмообразной S и руноподобной J), характерная для ранней, доиталийской стадии эволюции готского письма (Marchand 1973: 15–16; ср. в т.ч. свинцовую табличку из Бенедекпусты в Паннонии), так как она могла сохраняться в Нижнем Подунавье и до IX в. Впрочем, в пользу именно ранневизантийского заимствования говорят записанные готскими буквами (ср. особенно форму О) два имени (вероятно, одно готское и одно аланское) в комплексе петроглифов V–VII вв. в гроте на Церковном мысу городища Бакла (Оксиненко, Белый 2005: 374, рис. 11, № 259, 273 – *прорисовки не во всем корректные*)⁴. Таким образом, готский алфавит Вульфила попал к крымским готам, очевидно, вскоре после его изобретения.

Итак, аланы и крымские готы пополняют список народов на северной периферии Византии, которые вместе с христианством получили и письменность на своем языке: посредством греческих букв (у кавказских алан) или собственного алфавита, но все равно на основе греческого письма (у готов). Эта письменность

⁴ Кроме того, как любезно сообщил С.В. Харитонов, Л. Мильтер обнаружил на стене одного из гротов в Староселье (Бахчисарай) лишенное контекста трехбуквенное граффито: наша (с М.И. Коробовым) аутопсия показала, что оно может быть прочитано только по-готски, но смысл его остается непонятен.

использовалась как для богослужебных целей, так и для более простых эпиграфических нужд (инвокации и коммеморации у крымских готы, надгробные надписи и надписания священных предметов у алан). Таким образом, подтверждаются данные Жития Кирилла Философа и «Похвалы Богородице» (Сказания 2000: 171; Турилов 1985: 257), о том, что готы и аланы (упоминаются только в последней) обладают письменностью и славят Бога на своем языке. Более того, открытие аланской и крымско-готской письменности увеличивает возможность обнаружения аналогичных феноменов и у других причерноморских народов из этих списков, таких как абасги, авары и хазары.

Библиография

- ВИНОГРАДОВ А.Ю. День освящения храма в традиции Восточной Церкви (IV–XIII вв.): стратегии выбора // Средние века. – 2012. Т. 73. № 1–2.
- ВИНОГРАДОВ А.Ю., КОРОБОВ М.И. Готские граффити из Мангупской базилики // Средние века. – 2015. Т. 76. № 3–4.
- ГАНИНА Н.А. Крымско-готский язык. – СПб., 2011.
- ОКСИНЕНКО П.В., БЕЛЫЙ А.В. Комплекс петроглифов с христианской символикой в гроте близ Баклы // МАИЭТ. – Симферополь, 2005. Вып. XI.
- Сборник греческих и латинских надписей Кавказа / сост. И. Помяловский. – СПб., 1881.
- Сказания о начале славянской письменности. – СПб., 2000.
- ТУРИЛОВ А.А. К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице» Кирилла Философа в рукописной традиции XV–XVII вв.) // Великая Моравия: ее историческое и культурное значение. – М., 1985.
- LUBOTSKY A. Alanic Marginal Notes in a Greek Liturgical Manuscript (Veröffentlichungen zur Iranistik; 76). – Wien, 2015.
- Josephi Justi Scaligeri Isagogicorum chronologiae canonum libri tres. Amstelodami, 1658.
- MARCHAND J.W. The Sounds and Phonemes of Wulfila's Gothic (Janua Linguarum, Series Practica; 25). The Hague, 1973.
- Walahfrid Strabo's Libellus de exordiis et incrementis quarundam in observationibus ecclesiasticis rerum / Transl. and comm. by A. L. Harting-Correa. – Leiden, 1996.
- ZGUSTA L. Old ossetic inscription from the river Zelenčuk. – Wien, 1987.

**А.Г. ГЕРЦЕН
В.Е. НАУМЕНКО**

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

К РАННЕЙ ИСТОРИИ КНЯЖЕСТВА ФЕОДОРО: ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ⁵

Княжество Феодоро играло заметную роль в истории Крыма на протяжении XIV–XV вв. Объединяя под своим управлением горные территории юго-западной части полуострова, его правители вели активную внешнюю политику в регионе, подкрепленную династийными союзами с Трапезундской империей, Молдавским княжеством и Московским государством. Именно княжество Феодоро оказало наибольшее сопротивление Османской империи во время «крымской» военной кампании 1475 г. Справедливости ради, нужно заметить, что большая часть сказанного находит надежное подтверждение в источниках по отношению к периоду расцвета княжества (около 1425–1475 гг.). Менее известна, и поэтому является предметом дискуссии, ранняя история Феодоро, от начала его образования в первой половине – середине XIV в. и до разрушительного похода Тимура, очевидно, не позднее середины 90-х гг. этого столетия.

В настоящей работе мы остановимся на ряде не имеющих однозначного решения в историографии вопросов, касающихся времени и обстоятельств возникновения княжества, его политического статуса в XIV в., происхождения правящей династии. При этом в исследовании мы вынуждены оперировать крайне фрагментарной источниковой базой. История княжества Феодоро слабо освещена письменными источниками, а сведения, в них содержащиеся, зачастую имеют либо отрывочный характер, либо косвенное отношение к предмету или же вообще требуют кропотливого анализа для выделения предельно скудной

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-06-04670 «Историческая топография «страны Дори» в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования».

информации⁶. Дефицит письменных свидетельств в данном случае не может быть в полной мере компенсирован археологическими материалами, в первую очередь, из раскопок одноименной столицы княжества – города Феодоро, который локализуется на территории Мангупского городища. Главной причиной этого является отсутствие, несмотря на многолетние археологические исследования памятника, выраженного культурного слоя XIV в. на его площади, хотя отдельные находки этого времени (монеты, глазурованная керамика, металлические изделия) встречаются повсеместно на городище. Тем не менее, ситуация с источниками не выглядит безнадежной. Она лишь требует взвешенности при работе с ними и отказа от каких-либо категоричных заключений на этапе интерпретаций.

О времени и обстоятельствах образования княжества Феодоро. Первые достоверные известия о княжестве появляются не ранее первой половины – середины XIV в. В данном случае речь может идти о позднем (и поэтому сомнительном) свидетельстве Феодора Спандуниса (около 1453–1538 гг.) о «князе Готии» при описании его конфликта с императором Андроником III Палеологом (1328–1341) (Vasiliev 1936: 183), а также строительной надписи 1361–1362 гг., обнаруженной при раскопках Мангупской базилики в 1913 г. и сообщающей о работах по восстановлению Феодоро и строительству некоей Пойки сотником (гекатонтархом) Хуйтани (Малицкий 1933: 9–14). В надписи впервые упоминается топоним «Феодоро», который вплоть до 1475 г. будет использоваться по отношению к названию княжества в Юго-Западном Крыму и его одноименной столице. Следуя буквально содержанию источника, можно сделать вывод о том, что в нем сообщается о масштабных фортификационных работах на Мангупе, выразившихся в восстановлении крепости Феодоро и строительстве «Пойки». Здесь подразумеваются, во-первых, ремонтные работы на Главной линии обороны крепости, во-вторых, возведение нового оборонительного комплекса – цитадели на мысе Тешкли-бурун, которая имела отличное от города название (Герцен 1990: 44). Хронологически к надписи Хуйтани близко сообщение ряда восточноевропейских летописей о битве на Синих Водах около 1362 г. между литовским князем Ольгердом (1345–1377) и объединенной армией «татарских»

⁶ По-прежнему монография А.А. Васильева остается наиболее удачной попыткой связного изложения политической истории княжества Феодоро, опирающейся, главным образом, на данные письменных и эпиграфических источников (Vasiliev 1936).

эмиров – Кутлуг-Буга, Димитрия и Хаджи-бея. Начиная с П.И. Кеппена, их отождествляют с отдельными золотоордынскими правителями в Крыму – ханами крымским (Солхат), манлопским (Феодоро) и кыркельским (Кырк-Ор) (Кеппен 1837: 310).⁷

Надпись сотника Хуйтани, вместе с еще одним известным эпиграфическим источником о возведении в столице княжества при хане Тохтамыше (1376–1395) таким же «сотником» Чичикием какой-то важной постройки, вероятно, крепостной башни (Малицкий 1933: 5-7), являются ключевыми свидетельствами для решения вопроса о **политическом статусе княжества Феодоро в ранний период его истории**. Тюркские имена «сотников», которые возглавляли масштабные фортификационные работы в столице княжества, их титулатура, соответствующая традиционной золотоордынской системе деления населения на десятки, сотни, указывает на правомерность гипотезы о включении региона в зону, контролируемую администрацией Крымского улуса Золотой Орды. Безусловно, такой зависимый статус (протекторат) не означал кардинальной смены населения Мангупа-Феодоро и близлежащих горных долин, грекоязычного и христианского в своей основе. Тем менее, как показывают раскопки Мангупского городища, в середине – второй половине XIV в. в регионе получают распространение статусные предметы золотоордынского культурного круга, что указывает на определенную моду и даже некоторую «татаризацию» вкусов политической элиты княжества (Герцен, Науменко 2015: 95).

Ранний период Феодоро завершается до конца не ясными событиями середины 90-х гг. XIV в., когда Крым оказался втянутым в грандиозную междоусобицу Тохтамышя и Тимура. В результате юго-западная часть полуострова подверглась разгрому, а столица княжества была обращена в руины. Последствия военной катастрофы на Мангупе наблюдал иеромонах Матфей, направленный летом 1395 г. на полуостров константинопольским патриархом в качестве экзарха, автор первого дошедшего до нас описания столицы феодоритов, выполненного в поэтической форме (Герцен 2003: 562-589). Несмотря на то, что до сих пор в стратиграфии городища не выявлен «слой пожара» этого времени, сомневаться в достоверности сведений Матфея не приходится.⁸ Наиболее перспективным археологическим объектом в этом смысле является дворец правителей Феодоро в центральной части

⁷ Критику гипотезы см.: Мыц 2009: 16-25; Пилипчук 2014: 294-298.

⁸ О «крымском походе» Тимура как «историографическом конфузе» см.: Мыц 2009: 45-63.

Мангупского плато, который, как показывают его новейшие исследования, сформировался в 20-е гг. XV в. на топографической основе какого-то крупного общественного комплекса более раннего времени.

О происхождении правящей династии княжества Феодоро. До недавнего времени в историографии предпочтение отдавалось так называемой «трапезундской» версии происхождения феодоритской династии, сформулированной А.А. Васильевым. По его мнению, династы Феодоро были выходцами из знатного византийско-армянского рода Гаврасов, представители которого правили в Трапезунде в первой половине XII в. Предполагаемый основатель крымской княжеской ветви, Константин, за участие в заговоре против императора Иоанна Комнина был в 1130 г. отправлен в ссылку, вероятно, в Херсон. Здесь его потомки сумели добиться власти над территориями Юго-Западной Таврики, отождествляемыми обычно с Готией. После событий 1204 г. власть над Готией перешла к Трапезундской империи. Эта ситуация сохранялась, по крайней мере, до 80-х гг. XIV в. (Vasiliev 1936).

В последнее время в историографии гипотеза родственных связей князей Феодоро и Гаврасов поставлена под сомнение. В.П. Степаненко полагает, что первоначально (до начала XV в.) мангупские князья представляли собой малоизвестный провинциально-византийский аристократический род, который возвысился благодаря удачному браку наследника престола княжича Иоанна, сына первого достоверно известного по имени авторитетного правителя Феодоро князя Алексея, с Марией Асаниной Палеологиной Цимбалакониной, принадлежавшей кругу высшей константинопольской знати (Степаненко 2001: 335-352). В дальнейшем, в соответствии с практикой, сложившейся среди византийского правящего класса, это позволяло родственникам по мужской линии считать себя принадлежащими к византийскому знатному роду. Именно этим можно объяснить появление с 1425 г. на плитах с надписями, сообщающими о строительной деятельности мангупских князей, геральдических двуглавых орлов, которые традиционно считались фамильным гербом Палеологов.

По нашему мнению, в истории правившей династии княжества Феодоро, вероятнее всего, было два периода. Первый, с момента возникновения княжества до конца XIV в., связан с нахождением здесь правителей, имевших какие-то корни в Трапезунде. Причем не обязательно ими должны были быть именно Гаврасы, о пребывании которых в Крыму какие-либо данные источников все-таки отсутствуют. Они являлись вассалами золотоордынских ханов и, по

сути, представляли собой удельных князей-правителей, подчинявшихся, прежде всего, улусной администрации. Разгром, учиненный Тимуром в Крыму в конце XIV в., затронул и молодое княжество Феодоро. Из его разоренной столицы династы бегут к усиливающемуся северному православному соседу, став здесь основателями знатного рода Ховриных. Второй период начинается в середине 20-х гг. XV в., когда во главе княжества укрепляются представители прежней династии или же выходцы из другой, неизвестной нам фамилии, удачно связавшие себя свойскими отношениями со знатными родами Константинополя и Трапезунда – Палеологами, Асанами-Асенями и Великими Комнинскими. Именно с ними связан расцвет княжества Феодоро вплоть до трагических событий 1475 г.

Библиография

- ГЕРЦЕН А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. – Симферополь, 1990. Вып. I.
- ГЕРЦЕН А.Г. Описание Мангупа-Феодоро у иеромонаха Матфея // МАИЭТ. – Симферополь, 2003. Вып. X.
- ГЕРЦЕН А.Г., НАУМЕНКО В.Е. Стратиграфия Мангупского городища: антропогенный и природно-географический контекст // Боспорские чтения. Вып. XVI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. – Керчь, 2015.
- КЕППЕН П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). – СПб., 1837.
- МАЛИЦКИЙ Н.В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. – 1933. Вып. 71.
- МЫЦ В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. – Симферополь, 2009.
- ПИЛИПЧУК Я.В. Эмир Дмитрий. Улус Джучи и Центрально-Восточная Европа в XIV в. // Золотоордынская цивилизация. – Казань, 2014. №7.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Владетели Феодоро и византийская аристократия XV в. // АДСВ. – Екатеринбург, 2001. Вып. 32.
- VASILIEV A.A. The Goths in the Crimea. – Cambridge-Massachusetts, 1936.

Н.В. ГИНЬКУТ

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**ПОЛИВНАЯ ЛЮСТРОВАЯ КЕРАМИКА ИСПАНИИ
ИЗ РАСКОПОК ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО
(XIV-XVBB.)**

Поливной керамике испанского производства из раскопок крымских памятников уже не раз уделялось внимание (Штерн 1906; Кравченко 1991; Коваль 1998; 2002 и др.). Исследованию этой группы материалов посвящено несколько работ. Одна из них – «Испанская керамика с росписью люстром в Крыму» носит обобщающий характер (Тесленко 2004). Автором представлены стилистические группы испанской люстровой керамики, выделены производственные центры, а также определена хронология находок, поступавших в Крым. Однако за последние 10 лет раскопки крепости Чембало дали богатейшую коллекцию группы испанских импортов XIV–XV столетий. В большинстве своем она представлена фрагментарно, но в коллекции есть и несколько археологически целых сосудов.

Испано-мавританские люстровые фаянсы стали производиться еще в XII в. Впоследствии, уже к XIV столетию их производство расширилось и включало несколько испанских городов. «Позолоченная керамика» ценилась очень высоко, распространялась не только в пределах средиземноморского региона, но и во многих европейских городах, и пользовалась даже таможенными привилегиями. В Крым эта группа импортов стала проникать, и, впоследствии, постоянно поставляться итальянскими купцами, уже с середины XIV в. (Тесленко 2004: 477). Испанская керамика с люстром отличалась разнообразием форм и декора. Однако большинство находок из крепости Чембало – это сосуды открытого типа (чаши, блюда).

Наиболее ранняя испанская керамика представлена в коллекции из крепости Чембало – чашами типа «Pula», отличающимися геометрическим декором, и, по мнению ряда авторов, расцвет

производства которых приходится на 30-80 гг. XIV столетия, а бытование в Крыму – середина XIV – рубеж XV вв. (Ray 1999: 51; Тесленко 2004: 473).

Однако, основное количество испанской керамики из крепости Чембало приходится на первую половину – третью четверть XV в. В большинстве своем это чаши с декором «parallels and spirals», «dish-flowers», «encadenat», «crown pattern», «the thistle-leaf pattern».

Сосуды открытого типа в большинстве своем представлены двумя типами: чаши полусферической формы на кольцевом поддоне или с вогнутым дном, и блюда (миски) с вогнутым дном. Закрытые формы определить сложнее, поскольку коллекция очень фрагментарна, но можно выделить кувшины, и, возможно, альбарелло.

Испанская люстровая керамика, поступавшая в Крым, относится к мастерских округа Валенсия (в частности, Манизеса и Патерны). Причем, по мнению И.Б. Тесленко, является «рядовой» и не «отличается особым изыском» (Тесленко 2004: 477). Бытование этой керамики в крепости Чембало относится к последней четверти XIV – третьей четверти XV столетий. Среди импортов, поступавших на территорию крепости на протяжении более ста лет, она занимает второе место, после керамики из византийских центров, практически вытеснив последнюю в начале XV столетия.

Распространение испанской люстровой керамики имеет широкий ареал – от Средиземноморья и северных стран Европы, вплоть до Причерноморья и городов Золотой Орды. На территории Крыма в большинстве своем находки такой керамики сосредоточены в приморских городах, их количество и разнообразие уменьшается по мере удаления от берега, что еще раз свидетельствует в пользу ключевой роли в распространении данного вида посуды итальянских купцов. Присутствие испанского импорта на территории крепости Чембало позволяют расширить каталог уже известных типов испанских люстров, географию находок, а также свидетельствуют нам о той роли, которую играла крепость Чембало в системе торговли итальянских купцов в Причерноморском регионе.

Библиография

КОВАЛЬ В.Ю. Средневековая керамика Испании и Италии в Восточной Европе // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 124-127.

КОВАЛЬ В.Ю. Заметки о керамическом импорте средневековой Сугдеи // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины. – Киев; Судак, 2002. С. 129-131.

КРАВЧЕНКО А.А. Импортная поливная керамика XIII–XIV вв. из Каффы // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – Киев, 1991. С. 111-120.

ТЕСЛЕНКО И.Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму// Сугдейский сборник. – Киев, 2004. С. 467-494.

ШТЕРН Э.Р. Феодосия и ея керамика. – Одесса, 1906.

RAY A. Spanish Pottery 1248-1898 with catalogue of the collection in the Victoria and Albert Museum. – London, 1999.

А.А. ЕВДОКИМОВА
Институт языкознания РАН
(Москва)

**ГРЕЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ ИЗ ЦЕРКВИ
НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ СКЛОНЕ АК-ТЕПЕ В
ОКРЕСТНОСТЯХ ОРТАХИСАРА В КАППАДОКИИ:
ЖАНРОВЫЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И
ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Пещерная церковь на юго-восточном склоне Ак-Тепе (Aktepe Hill) в окрестностях Ортахисара, была найдена и сфотографирована к.и.н. Бобровским Т.А. и Чуевой Е.Е. в 2014 году. Это небольшой храм с остатками фрески в левой стороне алтарной ниши, фигура святого Арсения в рост с большими утратами (надпись белой краской «Ο ΑΓΙΟΣ ΑΡΣΕΝΙΟΣ» над нимбом). Остальные стены выбелены и содержат узоры и дипинти, нарисованные красно-кирпичной краской (элементы солярного и лунарного культов, с соответствующими по смыслу дипинти). Граффити располагаются, в основном, на синем фоне вокруг нимба, в том числе, поверх подписей к фреске (двухстрочной вертикальной с левой стороны - Ο ΑΝΑΓΙΝΟΣΚ[ov] || ΕΥΧΟΥ ΥΠΕΡ⁹, и четырехстрочной вертикальной с правой стороны худшей сохранности: ΥΠΕΡ ΑΦΕΣ[ΕΩΣ] || [Α]ΜΑΡΤΙΟΝ ΔΟΥ[ΛΟΥ] || ΤΟΥ [ΘΕΟ]Υ ΜΙΧΑ[ΗΛ] || ΤΡΙΒΑΚΙΟΥ¹⁰), выполненной белой краской. На остатках нимба несколько граффити плохой сохранности, как и на красно-кирпичной рамке с узором из белых точек вокруг фигуры святого. Также отрывки граффити располагаются на фрагментах его одежды и зеленом фоне внизу фигуры. В целом, на этой фреске насчитывается около 80 граффити, некоторые из которых перекрывают друг друга и очень многие фрагментарны или частично утрачены.

Большая часть памятников представляют собой традиционную молитвенную надпись: «ΚΕ βοήθει τὸν δοῦλον σου» («Господи помоги рабу Божьему, имярек»). Часть надписей наслаивается друг

⁹ Орфография сохранена.

¹⁰ По всей вероятности, прозвище.

на друга и прерывается либо после «βοήθει», либо после «δοῦλον». Граффити процарапаны скорее маюскулом, «ε» чаще лунарный, встречается минускульные «ν» и «τ», последняя, особенно, в сокращениях. Наряду с классическим для надписей написанием глагола «βοήθει» под влиянием итацизма с вариациями на конце «βοήθη/ι», попадают варианты с «υ» и «ι» вместо «ή». Некоторые из надписей содержат сокращение «ὄν» и «ον» в словах «τὸν» и «δοῦλον» соответственно. «ΚΕ» (Κύριε) чаще всего пишется под титлой. Слово «δοῦλον» часто пишется без конечного «ν», как и артикль перед ним.

По палеографии много схожих начертаний с материалами, представленными в статье «Палеография греческих граффити Софии Константинопольской, Софии Киевской и Софии Новгородской: сравнительный анализ»¹¹. Однако, по совокупности имеющихся пока данных, нельзя сузить датировки данных граффити больше, чем XI–XII вв.

Среди упоминаемых в надписях имен встречаются: пресвитер Леон, пресвитер Иоанн, Константин, Леон, Григорий, Лука, Андрей, Иоанн, Исаак, Василий и другие. Кроме несколько раз повторенного «пресвитер» в некоторых надписях употребляется сокращение «πατήρ» и «πάτος». Судя по списку имен, церковь была, скорее всего, монастырской. Интересен и факт появления в ней единичной фрески на основном белом фоне. Она была заказана упомянутым в надписи с правой стороны от нимба святого Михаилом Трибакием.

¹¹ См. Аристей VII (2013), с. 132–180

И.А. ЗАВАДСКАЯ

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ИЗУЧЕНИИ ЧЕРЕПИЦЫ ВИЗАНТИЙСКОГО КРЫМА¹²

Черепичные крыши городов и других населенных пунктов византийского Крыма, безусловно, принадлежат к числу важных специфических элементов его материальной культуры. Черепица также, как и другая керамическая продукция, массово производилась в местных эргастериях, являясь отражением определенных технологических и эстетических норм того или иного периода. Тем не менее, значение строительной керамики как полноценного археологического и исторического источника до сих пор остается недооцененным. Черепица сравнительно редко становится предметом специального изучения, несмотря на то, что в раскопках ряда памятников она является самой или одной из наиболее многочисленных категорий археологических находок.

Традиционное отношение к черепице как к второстепенному, малоинформативному материалу обусловлено, прежде всего, ее недостаточной изученностью. Одна из причин этого заключена в специфике черепичного материала, как правило, сильно фрагментированного и поэтому требующего при его обработке больших затрат времени и труда (кратко о сложностях данного процесса см.: Романчук 2004: 9, 42, прим. 25). Значительно усложняет ситуацию отсутствие стационарных мест хранения (например, археологических хранилищ), в которых можно было бы сохранять, планомерно изучать и реконструировать черепичную кровлю отдельных строительных комплексов, усадеб, кварталов.

Затрудняет процесс эффективного изучения черепицы крымских памятников также отсутствие детально разработанной

¹² Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № 2014/701 по теме «Этнокультурные процессы в Крыму в античности, средневековье и новое время».

общепризнанной методики ее обработки и изучения. Публикации, посвященные результатам специальных исследований черепицы разных памятников Юго-Западного Крыма, содержат некоторые методологические аспекты (Симонова 1980; Романчук 1995; 2004; Завадская 2008; 2010; Моисеев 2011; 2013), которые могут быть полезными при разработке общей методологической схемы исследования строительной керамики. В этих работах также предложены разные классификации (типологии) черепичного материала для конкретных памятников. При этом некоторые группы этих классификаций объединяют похожие или однотипные черепицы, возможно, происходящие из одних и тех же производственных центров (мастерских или даже матриц). Однако сопоставление групп разных классификаций не должно осуществляться только на основании письменных описаний (которые могут быть неполными и носить субъективный характер), но также путем непосредственного сравнения черепичного материала разных памятников. Учитывая то, что продукция разных производственных центров или мастерских поставлялась во многие населенные пункты, не исключено, что в будущем может быть разработана общая классификация строительной керамики для определенного периода и региона (например, Юго-Западного Крыма). В любом случае, комплексное изучение черепицы разных центров позволит уточнить датировку, ареал распространения и, возможно, даст информацию о местонахождении предположительного центра производства той или иной группы.

Существенным шагом вперед в изучении строительной керамики является обнаружение и исследование центров и печей, в которых ее производили. Примером может служить сравнительно недавнее открытие центра по производству черепицы в округе Мангупского городища (предварительные результаты: Науменко, Моисеев, Смекалова, Чудин 2012: 52-54; Моисеев 2012а: 46-48). Благодаря этому открытию стало известно место производства одной из самых многочисленных групп черепицы, обнаруженной на Эски-Кермене (Завадская 2015: 44-45). Остается надежда, что в дальнейшем будут открыты печи, в которых обжигалась черепица и других групп.

Чрезвычайно перспективным и давно назревшим в изучении черепицы византийского периода является применение естественнонаучных методов, которые позволят получить детальный анализ состава и качества глины и керамического теста, из которого изготовлены черепицы. Это поможет проверить и откорректировать существующие классификации, которые основаны, главным образом, на визуальной оценке черепичных сколов, к сожалению, не

всегда точной и объективной. Кроме того, сопоставление результатов анализов черепицы и глины из разных глинищ очень важно для поиска производственных центров. Естественнонаучные методы были успешно применены, например, при изучении римской черепицы Юго-Западного Крыма (Сарновски, Дашкевич, Шнайдер 2005: 133-140).

Совершенствование существующих и применение новых методик и методов в изучении строительной керамики позволит раскрыть ее информативный потенциал и получить новые данные о разных сферах жизни населения византийского Крыма.

Библиография

ЗАВАДСКАЯ И.А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003-2005 гг.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. Вып. XIV.

ЗАВАДСКАЯ И.А. Проблемы изучения кровельного материала средневековых центров Юго-Западного Крыма // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LIII: Архитектура Византии и Древней Руси IX-XII веков. Материалы международного семинара 17-21 ноября 2009 г. – СПб., 2010.

ЗАВАДСКАЯ И.А. О поставках кровельного материала в средневековый город на плато Эски-Кермен // VII Международный византийский семинар «ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис». (Севастополь, 1-5 июня 2015 г.) Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2015.

МОИСЕЕВ Д.А. Археологический комплекс строительной керамики IX-X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности. – Харьков, 2011. Вып. 10.

МОИСЕЕВ Д.А. Новые средневековые гончарные центры на южной периферии Мангупского городища (округа г. Илька): предварительные результаты // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна. Тезисы докладов и сообщений. – Бахчисарай, 2012а.

МОИСЕЕВ Д.А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // МАИЭТ. – Симферополь, 2013. Вып. XVIII.

НАУМЕНКО В.Е., МОИСЕЕВ Д.А., СМЕКАЛОВА Т.Н., ЧУДИН А.В. Новые средневековые гончарные центры в округе Мангупского городища (предварительные результаты комплексных археологических и геофизических исследований) // Международная

научная конференция «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы»: Тезисы докладов и сообщений. – Севастополь, 2012.

РОМАНЧУК А.И. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса // АДСВ. Византия и средневековый Крым. – Симферополь, 1995. Вып. 27.

РОМАНЧУК А.И. Строительные материалы византийского Херсона. – Екатеринбург, 2004.

САРНОВСКИ Т. Римская черепица Южного Крыма / Приложение: ДАШКЕВИЧ М., ШНАЙДЕР Г. К проблеме мест производства римской черепицы в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. – Сиферополь, 2005. Вып. XI.

СИМОНОВА Т.И. Метки на черепице кровли дома XIII-XIV вв. // АДСВ. Античные традиции и византийские реалии. – Свердловск, 1980.

А.В. ИВАНОВ

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**НЕКРОПОЛЬ ПРИ «БАЗИЛИКЕ НА ХОЛМЕ».
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАМЯТНИКА¹³**

Археологический комплекс херсонесской базилики № 14, более известной как «Базилика на холме», расположен на возвышенности в западной части городища. Памятник был открыт К.К. Косцюшко – Валюжиничем в 1890 г. Дальнейшее исследование комплекса велось под руководством С.А. Беляева в 1973-1984 гг.

Не ранее середины VI в. здесь была построена одна из наиболее крупных базилик ранневизантийского Херсона. Первоначальный храм просуществовал до рубежа X–XI вв. После его разрушения на его месте возводится новая церковь, также базиликального плана, но значительно меньших размеров; рядом строятся «часовня» и служебные постройки. Вокруг нового храма на протяжении XI–XIV вв. формируется самый крупный по площади внутригородской некрополь, окруженный оградой. В его границах было зафиксировано более 160 погребальных сооружений, обустроенных различным образом, и, в большинстве случаев, использовавшихся многократно. Погребения совершались как в периметре стен ранней базилики, так и внутри нового храма. К югу от него, в небольшой церкви простейшего плана, также были открыты захоронения. Расположение погребальных сооружений на территории некрополя довольно бессистемно, более поздние из них иногда перекрывают предшествовавшие, в ориентации гробниц наблюдаются заметные отклонения от оси В-З. Вблизи входа в храм отмечается наибольшая плотность захоронений. Церковно-кладбищенский комплекс при

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10122 «Население античного Херсонеса Таврического - византийского Херсона по данным антропологии».

базилике на холме продолжал активно использоваться жителями Херсона вплоть до прекращения существования самого города.

Последний исследователь комплекса «базилики на холме» С.А. Беляев считал возможным связать появление здесь храма и некрополя с драматическими событиями осады Корсуня киевским князем Владимиром. Позднейшая базилика отождествлена им с известной из летописных источников церковью Св. Василия «на горе», построенной по распоряжению Владимира после успешного завершения осады города и событий, связанных с крещением князя. Среди окружающих храм погребальных сооружений С.А. Беляев выделил как могилы погибших в ходе конфликта горожан, так и воинов-варягов из дружины Владимира.

Антропологический материал по некрополю представлен двумя выборками: из раскопок, проводившихся в 1976 г. (могилы №№ 73, 76, 78-80, 85-87, 92, 107 и «свалка костей»), хранящейся в фондах института Антропологии МГУ (колл. № 339) и раскопок сезона 1981 гг. (мог. №№ 1 и 2), оставленной исследователем в Херсонесе. В настоящей работе обе выборки рассматриваются в качестве единой краниологической серии из 69 единиц (♂40, ♀29, для измерений пригодны 53 – ♂32, ♀ 21). Возрастной состав серии: мужчины – adult. 6, matur. 19, senil. 15; женщины – adult. 10, matur. 7, senil. 5.

Мы располагаем антропологическим материалом лишь из трех могил, по мнению С.А. Беляева, принадлежавших варяжским дружинникам, причем могила № 86 не соответствует описанию автора, представляя собой коллективное захоронение, содержащее не менее 16 погребенных. В коллекции представлено 7 черепов, из них 5 принадлежало мужчинам (2-adult., 2-mat., 1- senil.), и 2 – женщинам (adult, matur.). Погребение № 76 принадлежало молодой женщине, а № 87 – мужчине старческого возраста. Каких-либо травматических повреждений на представленных черепках зафиксировано не было. Два индивида со следами смертельных боевых травм присутствовали в могиле № 2 1981 г. (внимания С.А. Беляева они не привлекли; и в отчете, и публикации отмечены не были). Для средневекового Херсона подобные находки не особенно часты, однако и не представляют собой нечто экстраординарное. Однако, ни о каком массовом захоронении погибших в ходе военных действий говорить не приходится.

В антропологическом отношении серия смешанная. При этом преобладающий антропологический тип погребенных вполне характерен для позднейшего периода существования византийского Херсона. Сопутствующие ему компоненты также вполне обычны в среде синхронного населения региона. Присутствия какого-либо

экзотического для Херсона компонента северного происхождения зафиксировано не было. С антропологическими сериями Древней Руси, в которых зафиксирован комплекс признаков, связанный происхождением со Скандинавией, ни рассматриваемая серия в целом, ни черепа отдельных индивидов морфологической близости не обнаруживают.

В целом и археологическая аргументация, приводимая С.А. Беляевым в пользу выдвинутой им версии, представляется уязвимой для критики. Более вероятно, что возникновение на рубеже X–XI вв. некрополя при «базилике на холме» не было связано с какими-то экстраординарными обстоятельствами, а, напротив, отражает общие явления и закономерности, связанные с распространением в Херсоне новых форм погребальной практики, выразившихся в организации внутригородских некрополей.

Т.М. КАЛИНИНА
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

**КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПРОЛИВ
НА КАРТАХ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ
«КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ» (X в.)**

Географы ал-Истахри (сохранилась редакция 50-х гг. X в.) и Ибн Хаукал, завершивший сочинение в 977 (или 988) г., а также их предшественник ал-Балхи (труд не сохранился) считаются представителями «классической школы» арабских географов. Труды этих ученых содержали карты, названные «Атласом ислама» (Крачковский 1957: 194-218; Tibbets 1992: 108-129). На этих (как и на большинстве прочих) арабских картах север находился внизу, юг – наверху. Моря, в русле античной традиции, рассматривались как заливы Окружающего Землю океана.

По версии ал-Истахри, из моря Окружающего (*ал-Мухит*) (западной части Атлантики) вытекает пролив, расположенный между Андалусией и Танжером (т.е. Гибралтар). Здесь начинается море *ар-Рума* (по арабскому названию Византии), течет до Сирии и Египта, поворачивает к стране *ар-Рум*, затем становится проливом *ал-Кустантинийя* (т.е. Константинопольского). Черного и Азовского моря ал-Истахри не знает. На карте этот пролив проходит мимо страны *ар-Рум* и *Рима*, достигает Константинополя, проходит посередине области славян (*ас-сакалиба*) и впадает на северо-западе в иную часть Окружающего моря (северную часть Атлантики). При рассказе об этом море в книге ал-Истахри подробнее, чем показано на его схематичных картах, описаны берега этого водного бассейна: упомянуты прибрежные города Испании, областей франков, Сирии, Египта, Византии, и т.д. (BGA I: 68-71). В книге ал-Истахри только дважды упоминается «пролив *ал-Кустантинийя*»: первый – что после *Антакийи* (Антиохии в северной Сирии) и близлежащих мест море течет к западу и становится проливом *ал-Кустантинийя* (Ibidem: 68); другой раз – после упоминания *Анталии* как укрепленного процветающего пункта Византии: «Затем (море) переходит к (побережью) солёного пролива, он известен как пролив

(халидж) ал-Кустантинийа, и в него утоплена длинная цепь, чтобы помешать кораблям, проходящим из моря или других мест, без разрешения (пройти) через преграду, и впадает море ар-Рума из моря Окружающего позади ар-Рума» (Ibidem: 69-70). Сохранившиеся поздние карты (самая ранняя XII в.) весьма схематично отражают Константинопольский пролив, тем не менее там отчетливо прорисованы основные хоронимы и ойконимы вокруг моря Рума и Константинопольского пролива.

Последователь ал-Истахри Ибн Хаукал поведал, что встретившись с ал-Истахри и и познакомившись с его трудом, он не согласился в некоторых случаях с материалами его книги и, договорившись с ним, написал на основе его сочинения своё, внося иную информацию (BGA II-2: 235-236).

Рис. 1. Фрагмент круглой карты мира ал-Истахри
(копия 1400 г.) // Атлас: 118-119.

По карте Ибн Хаукала, начальная часть изображения моря Рума почти совпадает с данными ал-Истахри: из Окружающего океана (т.е. части Атлантики) показаны соединяющиеся между собой моря, начиная от Гибралтарского пролива. Далее следует водный бассейн,

описанный более подробно, чем ал-Истахри. Он проходит мимо Андалусии, областей франков и галисийцев, лангобардов, огибает Калабрию, минует Венецию, течет вокруг Пелопоннеса. Далее широким полукругом доходит до Сирии и уходит на север (не забудем, что он находится внизу карты). С этого места начинается громадный Константинопольский пролив. Ибн Хаукал повторяет данные ал-Истахри о цепи, перегораживающей этот пролив. Изображений Черного и Азовского морей на карте тоже нет. Пролив далее полукругом огибает Константинополь, видимо, показав Золотой Рог; ниже на западном берегу пролива указана сторона (*нахва*) Трапезунда. По обеим сторонам пролива далее показаны славяне (*ас-сакалиба*). В этом месте, в отличие от сведений ал-Истахри, показан пролив, соединяющийся с потоком, связанным морем *ал-Хазар* (Каспием) – это главное русло реки Итиль. Далее пролив проходит мимо мест обитания народов *йаджудж* и *маджудж*, мимо пустынного севера и впадает в северную часть Окружающего океана.

При описании северной части пролива как идущего с севера на юг Ибн Хаукал писал: «Константинопольский пролив...[течет] от самого севера до пустынных окраин, которые не посещают из-за холода, и уходит он [пролив на севере] в бедную из бедных землю *йаджудж* и *маджудж*» (BGA II-2: 202). Имена этих народов происходит от библейских имен Гог и Магог, но в арабской традиции они связывались с легендой об Александре Македонском, который якобы запер этих жестоких людей за железной стеной, а разрушиться эта стена должна только перед концом света, когда выйдут народы Гог и Магог, принеся разрушение миру. Народы *Йаджудж* и *Маджудж* фигурируют как жители дальнего востока ойкумены в сочинениях ал-Хорезми, Ибн Хордадбега, Ибн ал-Факиха и др., но по материалам ал-Истахри, Ибн Хаукала и Ибн Фадлана, они обитали на севере.

Итак, Ибн Хаукал внес существенные коррективы в представления ал-Истахри. Тот писал о море *ал-Хазар*: «Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли, и если человек объедет вокруг моря, то вернется к тому месту, с которого начал (путь) без помех, разве только пресная река впадает в него... (имеется в виду Итиль)» (BGA I: 218). Ибн Хаукал же соединил море *ал-Хазар*, посредством реки *Итиль*, с проливом *ал-Кустантинийя*: «Это море не соединяется ни с одним из морей на поверхности земли ни способом смешения, ни способом связи, кроме того, что входит в него из реки *ар-Рус*, известной как *Итиль*, и оно (море) связано ответвлением, ведущим от него к проливу, (который) выходит из

школы географов не знали о существовании Черного и Азовского морей, показывает преимущественный интерес их к областям ислама и Поволжья.

Библиография

Атлас: Българските земи в средновековната арабописмена картографска традиция (IX–XIV век) / Под ред. С. Кендеровой, А. Стаматова. – София, 2011.

КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская географическая литература // Он же. Избранные сочинения. Т. IV. – М., 1957.

TIBBETS G.R. The Balkhī School of Geographers // History of Cartographers. – Chicago; London, 1992. Vol. II. Book I: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. Ed. J.B. Harley and D. Woodward.

BGA I: Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri. – Leiden, 1870.

BGA II-2: Opus geographicum auctore Ibn Haukal... (Abu-l-Kasim ibn Haukal al-Nasibi)... «Liber imaginis terrae» / Ed. collatio textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers. – Lugduni Batavorum, 1938. Vol. I-II.

O. KARAGIORGOU,

Research Centre for Byzantine and Post-byzantine Art
of the Academy of Athens
(Athens, Greece)

P. CHARALAMPAKIS

Independent researcher (University of Ioannina, Greece)

Chr. MALATRAS

Boğaziçi University
(Istanbul, Turkey)

TAKTIKON: AN ONLINE RESOURCE ON THE *THEMATIC* STRUCTURE AND PROSOPOGRAPHY

The *TAKTIKON* is an online database that aspires to become an invaluable tool in the study of Byzantine *thematic* administration and sigillography. It was created at the Research Center for Byzantine and Post-byzantine Art of the Academy of Athens between May 2014 and October 2015 in the framework of an ARISTEIA II (Excellence Award) Program and is currently administered by Olga Karagiorgou (director), Pantelis Charalampakis and Christos Malatras. At its present state, the *TAKTIKON* includes information on the *themes* of Opsikion, the Anatolikoi and the Kibyrraiotai and its official inauguration as an Open Access Database is scheduled for August 2016 (23rd International Congress of Byzantine Studies, Belgrade).

The user of the *TAKTIKON* is able to consult the Prosopography Card of a specific *thematic* official (presenting his career together with the relevant sigillographic and non-sigillographic sources that attest to it) and/or the Molybdoboullon Card of a specific *thematic bulla* (presenting its photo with all available information on the specimen in question: measurements, findspot, present location, description of obverse and reverse, transcription of the legend in the Athena Ruby font, in minuscule script, in polytonic Greek and its English translation). The *TAKTIKON* is moreover equipped with a search engine that allows the user to extract targeted information either on *thematic* officials (name, title, office, area of jurisdiction) or on *thematic* molybdoboulla (findspot, present location, measurements, decoration).

In contrast to other known Prosopography Projects, the *TAKTIKON* database is the only one to target a specific social group (the *thematic*

officials), to offer to its user the valuable experience of the first-hand inspection of the relevant primary sources, to support an intra-*thematic* approach in Byzantine Studies and to accommodate alterations or additions dictated by future discoveries. Furthermore, the *ТАКТИКОН* database constitutes an important tool in the study of Byzantine sigillography, since, thanks to the titulature or cross-references in other sources, seals issued by provincial officials are usually better dated and are bound to follow a strict chronological sequence. Thus, the user of the *ТАКТИКОН* is able to witness the evolution of byzantine seals during the period from the 7th to the 13th c.

The present paper offers a demonstration of the *ТАКТИКОН* and its current possibilities in the study of the Byzantine *thematic* institutions.

ТАКТИКОН - КАК ЭЛЕКТРОННАЯ БАЗА ДАННЫХ ПО СТРУКТУРЕ ВИЗАНТИЙСКИХ ФЕМ И ПРОСОПОГРАФИИ

ТАКТИКОН представляет собой электронную базу данных, которая должна стать незаменимым инструментом для изучения византийской фемной администрации и сигиллографии. Эта база была создана при Исследовательском центре византийского и пост-византийского искусства Афинской академии в 2014-2015 гг. в рамках Программы АРИСТЕЯ II (Награда за превосходство) и в настоящее время ведётся под руководством Ольги Карагиоргу (директор), Пантелиса Шаралампакиса и Христоса Малатраса. В современном состоянии *ТАКТИКОН* включает информацию о фемах Опсикий, Анатолик и Кивирреоты, и её презентация как базы данных открытого доступа запланировано на август 2016 года (на 23-м Международном конгрессе византинистов в Белграде).

Пользователи *ТАКТИКОН* получают доступ к развернутым «просопографическим картам» конкретных фемных чиновников, представляющих их карьеры вместе с принадлежащими им сигиллографическими и другими источниками и/или «Сфрагистическим картам» фемных булл с их фото и всей доступной информацией о каждом печатей: размеры, место находки, нынешнее местоположение, описание лицевой и обратной стороны, транскрипция легенды в шрифте Athena Ruby, в минускульном шрифте, на политоническом греческом языке и английский перевод текста легенды.

ТАКТИКОН оснащен также поисковой системой, которая позволяет пользователям извлекать целевую информацию либо о фемных чиновниках (имя, титул, должность, область компетенции),

либо о фемных моливдовулах (место нахождения, нынешнее местоположение, размеры, сфрагистический тип и элементы декора).

По сравнению с другими известными просопографическими проектами, база данных *ТАКТИКОН* единственная, которая сосредоточена на конкретной социальной группе (фемные чиновники), предлагающая пользователям ценный опыт непосредственного контакта с первоисточниками, поддерживающая внутрефемный подход в византинистике и приспособленная к введению изменений или дополнений, которые будут продиктованы будущими находками. Более того, база данных *ТАКТИКОН* является важным инструментом в изучении византийской сигиллографии, поскольку, благодаря титулатуре и перекрёстным ссылкам на другие источники, печати провинциальных чиновников обыкновенно лучше датированы и чаще следуют строгой хронологической последовательности.

Таким образом, пользователи *ТАКТИКОН* смогут наблюдать развитие византийских печатей с VII по XIII вв. В докладе планируется представить демонстрацию базы данных *ТАКТИКОН* и ее текущие возможности для изучения византийских фемных институтов.

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

Э.И. СЕЙДАЛИЕВ

Крымский инженерно-педагогический университет
(Симферополь)

ИУДАИКА СОЛХАТА–КРЫМА: АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

1. Из анализа первого инструментального плана городища средневекового Солхата 1783 г. следует, что раббаниты и караимы в XIII–XV вв. проживали соседскими землячествами, окруженными застройкой исламской общины города. Есть основание полагать, что ядро иудаистской общины сложилось в догородской период (т.е. за несколько десятилетий до 1260-х гг.).
2. С точки зрения городской структуры, население еврейских кварталов составляли единую общину. Языком ритуала и камнеписных эпитафий для всех членов общины оставался иврит; языком бытового общения стали диалекты тюркского. В надписях на прикладных печатях использовался иврит; на одной из находок встречена иудаико-арабская билингва.
3. Солхатская синагога по материалам монетных находок из слоев раскопок может быть предварительно датирована 1260–1280-ми гг. Ее площадь ок. 214 кв. м. Стены выложены в технике панцирной кладки на известковом растворе; пол – из плоского камня. Сакральная (южная) стена сохранила следы алтарной ниши (*gehal*). Возможно, алтарная ниша была украшена мраморной мозаикой. План синагоги, предположительно, близок к трехнефной базилике с каменной аркадой.
4. Расчетная величина одного прихода, исходя из площади моленного зала, ок. 1070-1100 человек (из расчета 5-6 членов семьи). Гипотеза о существовании двух паритетных приходах – караимском и раббанитском – предполагает удвоение этого числа.

Это означает, что общая численность общины составляла около 23-25% от населения города в 8-9 тысяч человек.

5. Судя по массовому материалу, нет основания для предположения о существовании в Солхате особой группы керамики (караимской или раббанитской). Это не исключает возможности присутствия сосудов с надписями сакрального предназначения.

6. Малочисленность иудаистской общины не оказалась препятствием для ее относительно высокого уровня самоорганизации и, судя по именам выдающихся представителей, интеллектуального уровня.

М.А. КУРЫШЕВА
Институт всеобщей истории РАН
(Москва)

**НОВОНАЙДЕННЫЙ АКТ АФОНСКОЙ ЛАВРЫ
СВ. АФАНАСИЯ В ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ
ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ГИМ**

На современном этапе развития кодикологии и палеографии появилась возможность изучать не только тексты палимпсестов, но и смытые тексты на листах пергамента, который использовался для переплетов и реставрации рукописей. В рукописных собраниях России до сих пор были известны только греческие грамоты пост-византийского времени (Б.Л. Фонкич), но не было найдено оригинальных греческих актов византийского периода.

В рукописи из Синодального собрания Государственного Исторического музея в Москве – Влад. 355 (Син. греч. 391) – нами выявлен оригинальный греческий документ на пергамене, текст которого был смыт, а сам документ сложен пополам и использован в качестве защитного листа этой бумажной рукописи.

Рукопись происходит из Эсфигменского монастыря на Афоне: была куплена Арсением Сухановым и в числе 18-ти манускриптов этого афонского монастыря привезена в Москву в середине XVII в. Рукопись написана двумя писцами, и по колофону второго писца датируется 1433 г. Первый писец (пока анонимный: он никак не маркировал окончание своей работы и не оставил записи) пишет темно-коричневыми чернилами первые 137 листов рукописи (с л. 2 по 137 об.). Второй писец – будущий протопсалт Великой Церкви середины XV в. Григорий Алиат (греч.: Γρηγόριος Μπουνης ὁ Ἀλυάτης) (о написанных им рукописях см.: PLP, II, 714; Gamillscheg, Harlfinger, Eleuteri 1997: A. Verzeichnis der Kopisten. S. 68 (№ 145). B. Paläographische Charakteristika. S. 56; C. Tafeln. Taf. 79; Старикова, Александру 2006: 714-715; Kouroupou, Géhin 2008: 316-317, Pl. 171-172; Μπαλαγεώργος, Κρητίκου 2008: 226-237) написал текст с 138 по 316 лист и на последнем оставил тройной колофон (тайнописный, нотированный и в виде монокондила, написанного полуугасшими красными чернилами). Бумага рукописи имеет филиграни –

«ножницы», «три горы», «единорог», – которые относятся к 1430–1440/1450 гг. и имеют распространение в Константинополе. Филигрانی идентифицируются по подборкам Р. Станковича: находят аналогии в греческих рукописях XV в. из Центра проф. И. Дуйчева и из Хиландарского сербского монастыря на Афоне (Станковић 2006: № 558-579; Станковић 2007: № 185-193). Начало текста украшено изящной заставкой балканского стиля. Судя по палеографии и кодикологии, рукопись, несомненно, была создана в Константинополе.

Обстоятельства попадания этой рукописи на Афон в настоящий момент не могут быть достоверно прояснены. Однако, очевидно, что когда она оказалась на Св. Горе, ей понадобился новый переплет. В процессе изготовления переплета при «реставрации» рукописи на Афоне, по-видимому, в первой половине XVI в. для защиты бумажного блока в начало рукописи был вшит сложенный вдвое пергаменный лист со смытым текстом. Предпринятое нами исследование этого листа в ультрафиолетовых лучах дало возможность сделать заключение о том, что на внутренней поверхности этого листа из грубого и толстого пергамена был написан, а затем при дальнейшем использовании в качестве защитного листа смыт и обрезан подлинный документ византийского времени.

Текст этого документа написан почерком типа *Perlschrift*, который использовался для переписки книг и документов со второй половины X и до конца XI столетия. Оказалось возможным даже прочесть дату акта: «...месяца июня... 6540 (1032 г.)». Нами с разной степенью точности были идентифицированы, по крайней мере, семь подписей свидетелей. Все они написаны разными почерками, что, несомненно, означает, что перед нами оригинал акта, возможно, завещания. Среди удостоверивших документ вполне уверенно могут быть прочитаны подписи только трех свидетелей: «+ Νηφων μ(ονα)ρχ(ός) του Ζυγου», «+ Ησαΐας μοναρχός της Χρομ(ιτίσσης) μ(αрту)ρ(ών) υπεγραψα», «+ Θεόδουλ(ος) (μον)αρχ(ός) κ(αί) πρ(εσβύτερος) μο(νής) Υπ(ερ)αγί(ας) Θ(εοτό)κου τῶν Καλαμιτζί(ων)». Монах Нифон подписал два документа афонской Лавры св. Афанасия (Archives de l'Athos, Actes de Lavra I: N 25, 29), датированные 1024 и 1035 гг. Монах Исайя подписал один акт из Лавры (*Ibid.* N 28), датированный 1030 г. Монах Феодул известен как свидетель, подписавший также один документ из Лавры (*Ibid.* N 30), датированный 1037 г. Состав свидетелей говорит о том, что документ, видимо, происходит из Лавры св. Афанасия на Афоне.

Библиография

- Archives de l'Athos, Actes de Lavra : I. Des origines à 1204 / Éd. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, avec la collaboration de D. Papachryssanthou. – Paris, 1970.
- СТАНКОВИЋ Р. Филигранолошки опис и албум грчких рукописа XV–XIX века Центра за Словенско-византијска проучавања «проф. Иван Дујчев». – Софија, 2006.
- СТАНКОВИЋ Р. Водени знаци хиландарских српских рукописа XIV–XV века. – Београд, 2007.
- СТАРИКОВА И.В., АЛЕКСАНДРУ М. Григорий Бунис Алиат // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. XII.
- GAMILLSCHEG E., HARLFINGER D., ELEUTERI P. Repertorium der griechischen Kopisten 800–1600. Bd. III: Handschriften aus Bibliotheken Roms mit dem Vatikan. – Wien, 1997.
- KOUROUPOU M., GEHIN P. Catalogue des manuscrits conservés dans la Bibliothèque du Patriarcat Œcuménique. Les manuscrits du monastère de la Panaghia de Chalki. Vol. I-II. – Istanbul; Paris, 2008. Vol. II:
- ΜΠΑΛΑΓΕΩΡΓΟΣ Δ., ΚΡΗΤΙΚΟΥ ΦΛ. Τα χειρόγραφα βυζαντινῆς μουσικῆς, Σινᾶ: Κατάλογος περιγραφικός. – Αθήνα, 2008.

Т.В. КУЩ
Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ВЫЖИТЬ И ПРЕУСПЕТЬ ПРИ ДВОРЕ. «ПРАВИЛА ЖИЗНИ» ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКА¹⁴

В официальных приемах при византийском дворе, в других торжественных церемониях, деловых встречах, церковных службах, развлечениях и празднествах – во всем том, что составляло рутину дворцовой жизни, всегда участвовало множество людей. В этом непрерывном политическом спектакле были задействовано всё многолюдное императорское окружение: родственники и слуги, чиновная знать, риторы и аристократы. Участники «театра власти» – от главных героев до персонажей второго плана – составляли придворный мир, принадлежность к которому обеспечивала каждому из них социальный престиж и соответствующие его рангу материальные дивиденды. Политическая элита, сконцентрированная вокруг престола, имела свои особые «правила поведения» в этом тяготеющем к замкнутости мире.

В рамках доклада мы остановимся на некоторых деталях дворцового быта и характеристике придворных нравов времен палеологовской Византии. Нашим информатором станет Димитрий Кидонис (1324–1397), интеллектуал и политический деятель, прошедший при дворе около сорока лет, а потому не понаслышке знавший дворцовые нравы и порядки. В обширной корреспонденции, которую он вел на протяжении всей жизни, содержится материал, позволяющий представить этос придворного окружения, по крайней мере в таком ракурсе, в котором он виделся представителю одновременно и политической, и интеллектуальной элиты.

Кидонис начал свою карьеру при Иоанне VI Кантакузине в возрасте 23 лет в качестве месадзона, этот пост он занимал и при

¹⁴ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект №14-01-00025.

Иоанне V Палеологе. Даже после своей вынужденной отставки 1386 г. он не отошел от политических дел. В последние годы жизни Кидонис, не имевший уже официальных постов, был советником императора Мануила II, своего бывшего ученика. Проведя всю жизнь вблизи престола, Кидонис хорошо знал нравы придворного мира, легко ориентировался в «правилах игры», сам вел соответствующий положению высокопоставленного вельможи образ жизни.

Его сведения позволяют реконструировать «режим работы» человека, обязанного по статусу находиться во дворце, восстановить его распорядок дня, увидеть жизнь двора «изнутри». Кроме того, его оценки поведения и стиля общения придворной элиты дают представление о характере взаимоотношений внутри правящего класса, приоритетах и ценностях этого мира.

Двор, безусловно, был местом столкновения амбиций, ареной конфликтов интересов разных людей; его атмосфера порождала соперничество, зависть и интриги. Если суммировать высказывания Кидониса о нравах придворного мира, то нельзя не прийти к выводу, что эта среда была поражена многочисленными пороками. Мнение Кидониса категорично – успеха добиваются те, кто преуспевает в кознях, сервилизме и подлобости. Завистники и интриганы, заполонившие дворец, заботятся не об общем благе, а лишь собственных интересах. Чтобы укрепить свои позиции на политическом небосклоне, они подсиживают друг друга, клеветают и плетут интриги. Хорошо зная изнанку дворцовой жизни, Кидонис призывал не обольщаться льстивыми словами своих «коллег по цеху», расположением императора или подношениями просящих. Однако в его описании нравов придворного окружения присутствуют не только черные краски. В этой среде также находилось место искренней дружбе, взаимопомощи, верности, уважению к достоинствам и талантам человека. Несмотря на многочисленные пороки, которыми страдала верхушка общества, тем не менее, в системе ценностей византийской политической элиты не последнее место занимали почитание образованности, уважение к политическому опыту и знаниям, культ дружеских отношений.

В.В. МАЙКО
ГБНУ РК «Институт археологии Крыма»
(Симферополь)

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ СУГДЕИ В 1926-1929 гг.¹⁵

Вторая половина 20-х гг. XX в. справедливо считается прорывом в археологическом изучении средневековой Сугдеи, в том числе и византийского периода ее истории. Однако на сегодняшний день масштабные результаты этих работ, хранящиеся в архивах и фондах Государственного исторического музея (ГИМ), Института Истории материальной культуры (ИИМК) и Санкт-Петербургского института истории РАН (СПбИИ РАН), в научной и краеведческой литературе опубликованы чрезвычайно кратко и до сих пор не обобщены.

В 1925–1930 гг. в Судак работала экспедиция ГИМ под руководством А.А. Фомина. В 1927–1929 гг. основной объем работ осуществлялся экспедицией Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) в составе Ю.В. Готье, Е.Ч. Скржинской, М.А. Тихановой, А.Ю. Якубовского. В состав экспедиции от Таврического общества истории, археологии и этнографии входил А.И. Полканов, тесное с ней сотрудничество осуществлял и представитель ГИМ Н.Д. Протасов, подключившийся к раскопкам в 1928 г.

В 1926-1928 гг. экспедицией ГИМа, помимо расчистки от завалов цистерны Консульского замка и пробных шурфовок в районе Портовой башни, изучались и объекты византийского времени, среди которых следует упомянуть расчистку храма монастыря Димитраки («храм Дианы») и масштабные раскопки некрополя Судак-ХІ на посаде Сугдеи, давшие ценные материалы для датировки объекта. К сожалению, они, помимо фотографий

¹⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках научного проекта №15-31-10162 «Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до геноузцев (по неопубликованным материалам Научных архивов Института истории материальной культуры РАН, Государственного Эрмитажа, Крымских научных учреждений и историко-культурных заповедников)».

некоторых захоронений и краткого описания, до сегодняшнего дня так и не опубликованы.

Масштабные раскопки средневековой Сугдеи начались в 1927 г. экспедицией ГАИМК и продолжались три года подряд. Наиболее значимым объектом исследований в 1927 г. были работы в заполнении храма на первом ярусе так называемой Георгиевской башни (рис. 1) и примыкающей к нему территории.

Рис. 1. Вид объектов, исследованных на территории
внутрикрепостного пространства Сугдеи в 1927–1929 гг.:
Раскоп на первом ярусе т.н. Георгиевской башни.

Эти работы были продолжены и в 1928 г., включая шурфовку всего комплекса Консульского замка и территории цитадели, примыкающей к Георгиевской башне. В этом же году были заложены два разведочных шурфа у Башни Джованни Марионе и шурф у цистерны № 2. В этих шурфах, судя по описаниям, был обнаружен и материал византийского времени. За все прошедшие годы материалы раскопок в Георгиевской башне, правда, по «свежим следам», были опубликованы чрезвычайно кратко. В дальнейшем они постоянно упоминались в литературе, но без каких-либо существенных дополнений.

Осуществлялись работы и по изучению некрополей средневековой Сугдеи. В частности в 1927 г. были проведены охранные раскопки на территории обнаруженного могильника

Судак-V, давшие интересные результаты для установления его хронологии. Эти работы под руководством Н.Д. Протасова и А.И. Полканова были продолжены и в 1929 г. В ходе их удалось открыть крупный каменный склеп с коллективными погребениями.

Работы 1927 г. включали в себя и детальное ознакомление с археологическими памятниками всего Судакского региона, в том числе и византийского времени. В частности были осмотрены раскопки византийского монастыря на мысе Димитраки, проводившиеся А.А. Фоминым, пещерных и наземных христианских храмов в районе пос. Новый Свет, Солнечная долина, Анастасиевской балке, Ай-Савской долине; на горе Ай-Георгий, обнаружены развалины двухабсидного храма на южных склонах г. Перчем.

Изучением христианских памятников Сугдеи в 1928 г. активно занимался Н.Д. Протасов. Это в первую очередь раскопки так называемого «храма на консолях», публикация исследований которого может служить образцом скрупулезного подхода к работе. В настоящий момент эти и последующие исследования объекта практически полностью опубликованы.

Другая судьба постигла разведочные раскопки храма на горе Ай-Георгий Н.Д. Протасова. До 2015 г. о них вообще не было никаких упоминаний. Тем не менее, отчет об этих работах содержит не только подробнейшее описание хода исследований, но и графические и фотографические материалы. Раскопками удалось зафиксировать остатки трех стен, сложенных на извести. В западной стене прослежен вход с остатками арочного перекрытия, а в южной – прямоугольная ниша, за которой располагалась поперечная кладка. С северной стороны храма была зафиксирована линия водопровода с сохранившимися гончарными трубами, тянущаяся к кооптированному источнику. Был повторно зафиксирован камень с греческой надписью, хорошо известный еще А.Л. Бертье-Делагарду и опубликованный В.В. Латышевым. Однако никаких упоминаний о работах предшественников Н.Д. Протасов не приводит. В северной части сооружения зафиксирован фрагмент вымостки пола, сложенной на известковом растворе. Интересно, что Н.Д. Протасов упоминал о находке в перемешанном заполнении объекта свечи начала XX в. и предполагал проведение синхронных находке работ. Однако о том, что это были работы А.Л. Бертье-Делагарда, ничего не упоминает. Несмотря на публикацию В.В. Латышева и несомненные свидетельства в пользу того, что исследованный объект является храмом, Н.Д. Протасов в отчете, без какой-либо серьезной аргументации, отвергает культовую принадлежность сооружения.

Наиболее масштабными раскопками 1929 г. явились работы на территории внутрикрепостного пространства. Основной задачей было раскрытие системы городской застройки и выяснение основных направлений городских улиц. С этой целью в центральной части городища была размечена разведочная траншея, разделенная на квадраты 4×4 м. В 1929 г. были начаты исследования пяти из них. В квадрате 15 был открыт западный фасад католического храма Девы Марии. Перед фасадом обнаружена утрамбованная грунтовая дорога, направление которой прослеживалось в рельефе за пределами раскопанного участка. Зафиксированные кладки геноузского храма перекрывали кладку византийского времени, прослеженную в длину на 1.50 м при ширине 0.70 м. Последняя была сложена на извести из крупных блоков. Небольшой открытый на глубине 4.50 м участок пола этого сооружения был вымощен плинфой. В квадрате 4 открыты 7 разновременных кладок и вымостки, в том числе горизонты византийского времени (рис. 2).

Рис. 2. Кладка византийского времени на участке квадрата 4 на территории внутрикрепостного пространства Сугдеи (1929 г.).

Подтверждением этому служит и широко известная и неоднократно изданная костяная накладка на византийскую шкатулку.

В рамках этих работ была расчищена и цистерна Девичьей башни, и произведены раскопки так называемой «Полукруглой» башни, в ходе которых обнаружены литейная форма для изготовления лунниц и пряжек на одной стороне, пуговиц-подвесок, колец и треугольных накладок – на второй. В квадрате 16 открыты остатки гончарной и литейной мастерской. Производится тахиметрическая съемка крепости, составляются черновые наброски обмеров архитектурных объектов.

В последнее время результаты этих раскопок на основании сохранившихся дневников Е.Ч. Скржинской частично опубликованы.

В отличие от упомянутых, раскопки 1929 г. на посаде и в портовой части Сугдеи до 2015 г. даже не упоминались в литературе. Однако и они заслуживают пристального внимания и публикации. Во-первых, под руководством Н.Д. Протасова были произведены разведочные работы в районе башни Астагуэрро. В саду Гартмана, который располагался примерно в 15 м к северо-востоку от башни в районе речки Делен-Бах, обнаружены угол и часть стен большого здания, сложенного на извести. Толщина западной стены составила 0,9 м. С внутренней стороны к ней примыкали ступени. Не исключено, что обнаруженное сооружение являлось храмом. На этом же участке была зафиксирована и часть двора, примыкавшего к данному сооружению. К сожалению, датировать постройку затруднительно. В отчете отсутствует упоминание об обнаруженном археологическом материале. К сожалению в архиве не удалось обнаружить, за исключением единственной фотографии (рис. 3), ни плана, ни чертежей, ни фассировок.

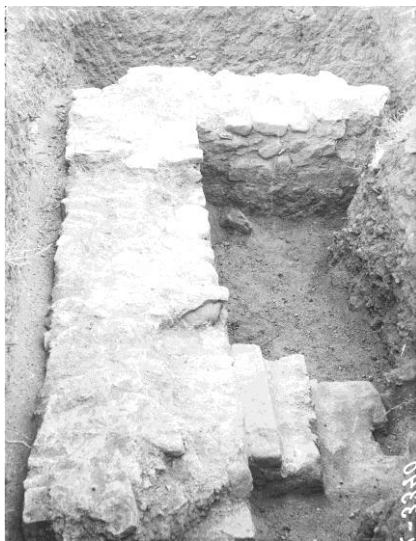

Рис. 3. Сооружение вблизи башни Фредерико Астагуэрро (посад Сугдеи, 1929 г.).

В этом же году Н.Д. Протасовым были произведены разведочные шурфовки в районе бани на территории МРЦ «Сокол» для выяснения направления водопровода, питавшего баню (рис. 4).

Рис. 4. Баня на территории МРЦ «Сокол» (посад Сугдеи, 1929 г.).

Кроме этого, впервые Н.Д. Протасовым и А.И. Полкановым были организованы разведочные шурфовки на территории портовой части. В заложенном у подножия горы Полвани-Оба квадрате размерами 4 x 3 м обнаружены фрагменты трех разновременных кладок, две из которых располагались под прямым углом одна к другой. Наиболее сохранившаяся кладка 2 толщиной 0.57 м с пристроенной кладкой 1 длиной около 4 м, перекрывали кладку 3 византийского времени. Все кладки уходили в борта шурфа. Исходя из этого в следующем 1930 г. работы были продолжены. В ходе исследований была открыта крупная постройка неправильной трапециевидной формы, размерами 6 x 8 м со следами перестроек и субструкций предшествовавших построек. Внутри помещения были зафиксированы два тандыра и очаги, обложенные камнями.

В 1931 г. исследования были продолжены Е.В. Веймарном. Раскоп 1931 г. располагался к северу от раскопа 1930 г. Зафиксировано две постройки, одна из которых, вероятно, относилась к византийскому периоду.

Таким образом, раскопки 1926-1929 гг. явились чрезвычайно важными для реконструкции средневековой Сугдеи, в том числе и византийского периода ее истории. Их наиболее полное введение в научный оборот одна из актуальных задач.

А.С. МОХОВ
Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ИМПЕРАТОРСКАЯ ЭТЕРИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX В.¹⁶

В X–XII вв. этерия (ή ἑταρεία) являлась одним из наиболее боеспособных подразделений византийской армии. В середине X в. она была разделена на три отряда (μεγάλη ἑταρεία, μέση ἑταρεία, τρίτη ἑταρεία), в которых насчитывалось до 1200 воинов. Главной особенностью этерии, отличавшей ее от других регулярных частей византийской армии, было комплектование данного подразделения не только из подданных империи, но также из иностранцев: арабов, персов, турок, хазар, варягов и пр. (Oikonomidēs 1972: 327-329).

В историографии преобладает мнение, что организационная структура этерии сформировалась в правление Василия I. В первую очередь, это был отряд дворцовой стражи, который охранял императора в столице и во время поездок по стране. Помимо этого, этерия принимала участие в многочисленных дворцовых церемониях, торжественных богослужениях и шествиях. В связи с военными действиями ἑταρεία редко упоминается в источниках, только с начала XI в. она стала регулярно принимать участие в военных походах (Karlin-Hayter 1974: 101-143).

О возникновении этерии и начальном периоде ее существования в источниках сведений почти не сохранилось. В исследовательской литературе, как правило, констатируется, что этот отряд был создан в правление Льва V (813–820). Данное утверждение основано на рассказе Скилицы о сражении между Львом Армянином и болгарским ханом Омуртагом у Месемврии весной 815 г. Автор «Обозрения истории» писал, что византийская армия одержала победу после внезапной атаки, которую император предпринял во главе этерии (Skylitzes 1973: 13.39-40). Отметим, что другие византийские авторы, которые писали о данном событии, этерию не упоминают.

¹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-31-00027.

В исторических сочинениях IX–X вв. термин *этерия* в значении «отряд охраны», «телохранители» упоминается неоднократно. Например, Феофан в повествовании о военной кампании Ираклия против персов в 623/624 г. утверждал, что в одном из сражений император лично сражался вместе с «несколькими людьми из своей *этерии*» (Theophanes 1883: 314.11-12). Анонимный автор «Хроники 811 года» писал, что Никифор I сформировал для охраны наследника престола Ставракия *этерию* из молодых аристократов, которую вскоре стали называть тагмой *иканатов* (Dujčev 1965: 210.7-8).

По нашему мнению, утверждение о том, что *этерия* была создана Львом V, является спорным. В больших восточных фемах (Опсикий, Анатолик, Армениак, Фракий) регулярные отряды (*τάγμα λαός*) из нескольких сотен воинов существовали уже в VII–VIII вв. (Haldon 1984: 129-130, 182-183, 246-247). В состав провинциальных тагм входили небольшие отряды телохранителей, которыми командовали комиты (*κόμης τῆς ἐταρείας*). Отметим также, что начальный этап военной карьеры будущих императоров Льва V и Михаила II был связан со службой в регулярных контингентах фемы Анатолик. Лев Армянин командовал тагмой федератов (*τάγμα τῶν φοιδεράτων*), а позже был назначен стратигом Анатолика (Skylitzes 1973: 11.59; Theophanes 1883: 497.5-6). Михаил Аморийский также возглавил эту тагму (Theophanes Continuatus 1838: 33.21-22). Когда Лев V занял императорский престол, часть регулярных войск из Анатолика были переведены в столицу. В Константинополе они продолжили выполнять свои прежние функции. По сути, *этерия* была сформирована из воинов, лично преданных новому императору и служивших ему еще в Анатолике.

Следующее упоминание *этерии* как боевого подразделения относится к правлению Михаила II (820–829). Скилица писал, что в войско, отправленное в 821 г. против Фомы Славянина, входили «два отряда дворцовой стражи, схолы и *этерия*» (Skylitzes 1973: 38.16-20). Эти данные подтверждают, что Михаил Аморийский был первым за длительное время императором, который не сокращал, а старался увеличить численность византийской армии. Несмотря на определенные сомнения в благонадежности бывших телохранителей Льва V, недостаток хорошо подготовленных регулярных войск вынудил Михаила II сохранить *этерию* как отдельное воинское формирование. Однако каких-либо сведений об ее участии в военных действиях до второй половины IX в. не сохранилось. По всей видимости, отряд не покидал Константинополь, занимаясь охраной императорского дворца.

Сведения о численности, организационной структуре и командном составе этерии в первой половине IX в. весьма ограничены. Например, в Тактиконе Успенского (842 г.) не упоминается командир этерии (ὁ ἐταρειάρχης, этериарх). Однако среди гражданских чиновников низкого ранга перечислены протомандаторы этерии (οἱ πρωτομανδάτορες τῆς ἐταρείας), которые выполняли обязанности курьеров (Oikonomidēs 1972: 35, 63.30). Несмотря на отсутствие прямых сведений источников, П. Карлин-Хейтер считала, что в IX в. этериарх входил в высший командный состав византийской армии. Подчиненные ему младшие командиры назывались ἐπὶ τῆς ἐταρείας (Karlin-Hayter 1974: 102-103).

Имена этериархов и других «архонтов этерии» первой половины IX в. в источниках не упоминаются. Исключение составляет «молодой македонянин Лев из рода Гомостов», о котором писал Симеон Логофет. Лев происходил из македонцев, которых по распоряжению хана Крума переселили за Дунай после захвата болгарами Адрианополя в 813 г. Когда на них стали нападать венгры, македонцы договорились с византийскими властями о возвращении на родину. Они были вывезены на кораблях и доставлены в Константинополь в 837 г. Лев Гомост (Λέων τῶν Γομοστῶν) храбро сражался с венграми, а впоследствии стал этериархом (Symeon Logothete 2006: 235.64-65, 237.103-105). К сожалению, подробностей карьеры Льва на императорской службе в источнике не сохранилось.

Сфрагистические источники позволяют дополнить данные исторических хроник. Учитывая определенные сложности с датировкой моливдовулов второго иконоборческого периода, представляется возможным выделить группу печатей командного состава этерии первой половины IX в.:

– Феодор, императорский спафарий и ἐπὶ τῆς ἐτερείας (Cheynet 2012: 222-223, no. 2.216);

– Димитрий, императорский кандидат и ἐπὶ τῆς ἐταρείας (Zacos 1984: 106, no. 136);

– Иоанн, ἐπὶ τῆς ἐταρείας (Κολτσίδα-Μακρή 1996: 46, no. 61);

– Диоген, императорский стратор и комит этерии (Wassiliou, Seibt 2003: 119-120, no. 99).

Специального внимания заслуживает печать Григория, этериота (Γρηγορίῳ ἐταρειώτῃ). Издатель датировал моливдовул «иконаборческим временем» (Schlumberger 1884: 349, no. 5). Это единственная известная булла рядового воина дворцовой стражи (ὁ ἐταρειώτης).

Подводя итоги, следует констатировать, что в первой половине IX в. этерия была небольшим по численности отрядом дворцовой стражи. Военного значения это подразделение не имело. Организационная структура этерии в данный период была, по всей видимости, аналогична тагме схол. Учитывая отсутствие в источниках сведений об этериархах, можно предположить, что наиболее высокой должностью в этерии первой половины IX в. являлась ἐπί τῆς ἐταιρείας.

Библиография

- CHEYNET J.-CL., GÖKYILDIRIM T., BULGURLU V. Les sceaux byzantins du Musée archéologique d'Istanbul. – Istanbul, 2012.
- DUJČEV I. La chronique byzantine de l'an 811 // Travaux et mémoires. 1965. Vol. 1. P. 205-254.
- HALDON J.F. Byzantine Praetorians: an administrative, institutional and social survey of the Opsikion and the tagmata, c. 580–900. – Bonn, 1984.
- Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / Rec. I. Thurn. – Berlin; New York, 1973.
- KARLIN-HAYTER P. L'hétériarque. L'évolution de son rôle du De Ceremoniis au Traité des Offices // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. – 1974. Bd. 23. P. 101–143.
- ΚΟΛΤΣΙΔΑ-ΜΑΚΡΗ Ι. Βυζαντινά Μολυβδόβουλλα Συλλογής Ορφανίδη-Νικολαΐδη Νομισματικού Μουσείου Αθηνών. – Αθήνα, 1996.
- OIKONOMIDÈS N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles : introd., texte, trad. et comment. – Paris, 1972.
- SCHLUMBERGER G. Sigillographie de l'Empire byzantin. – P., 1884.
- Symeonis magistri et logothetae chronicon / Rec. S. Wahlgren. – Berlin, 2006.
- Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. I. Bekkerus. – Bonnae, 1838.
- Theophanis Chronographia / Rec. C. de Boor. – Lipsiae, 1883–1885.
- WASSILIOU A.-K., SEIBT W. Die byzantinischen Bleisiegel in Österreich. – Wien, 2003. 2. Teil.
- ZACOS G. Byzantine Lead seals. – Berne, 1984. Vol. 2.

В.Е. НАУМЕНКО

А.А. ДУШЕНКО

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

Д.В. КОРЗЮК

ГБНУ РК «Институт археологии Крыма»
(Симферополь)

НОВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС В ОКРУГЕ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА. ХРАМ НА Г. ИЛЬКА

С начала 90-х гг. XX в. одним из направлений работы Мангупской археологической экспедиции Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (руководители – А.Г. Герцен, В.Е. Науменко) являются исследования округа Мангупского городища с целью составления ее подробной археологической карты (Рис. 1).¹⁷

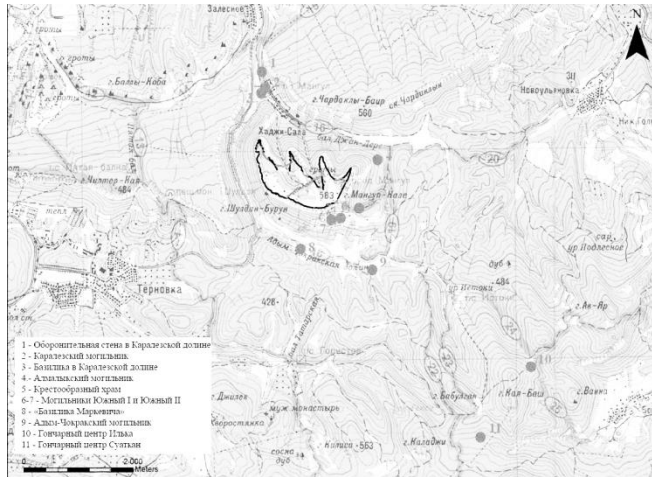

Рис. 1. Топографическая карта окрестностей Мангупского городища с указанием известных археологических объектов (составлена А.А. Душенко)

¹⁷ С 2015 г. эти работы проходят при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-06-04670 «Историческая география «страны Дори» в Юго-Западном Крыму. Комплексные археолого-геофизические исследования».

Их проведение, наряду с картографированием и раскопками известных прежде памятников Каралезской долины (базилики, оборонительной стены и синхронного им раннесредневекового могильника), на южном и юго-восточном склоне Мангупского плато (могильник Алмалык, крестообразный храм на так называемом Мазар-тепе), позволили выявить целую группу новых археологических объектов, сосредоточенных на южной периферии Мангупа, в пределах Адым-Чокракской долины¹⁸.

Нужно сказать, что долгое время эти работы во многом носили охранно-археологический характер, который был продиктован необходимостью оперативного реагирования на действия грабителей. Именно таким образом, были открыты и частично исследованы раннесредневековые некрополи Южный I и II на южном склоне городища и могильник Адым-Чокрак на северном склоне г. Белая в Адым-Чокракской долине (Bemmann, Schneider, Gercen, Černyš, Mączyńska, Urbaniak, von Freden 2013), а в 2003 г. – руины христианского храма XIV–XV вв. на вершине г. Бабулган с прилегающим плитовым могильником, под которым был выявлен участок культурного слоя с материалами II–IV вв. н.э., который связан с функционировавшим здесь святилищем римского времени (Герцен 2004). Лишь в середине 2000-х гг. эту негативную тенденцию удалось переломить. В 2006–2008 гг. территория данного района округи городища обследовалась участниками совместного украинско-германского проекта по изучению периферии крупнейших «пещерных городов» Крыма – Мангупа и Эски-Кермена (Schreg 2013). С 2010 г. исследования окончательно приобрели комплексный характер, когда наряду с традиционными методами ведения археологических работ стали активно применяться геофизические методы разведки местности. Все это позволило установить точное местонахождение и провести раскопки на ряде новых средневековых памятников Адым-Чокракской долины производственного и культового характера. Речь в данном случае идет об открытых и исследованных в течение 2010–2013 гг. двух крупных гончарных центрах на склонах г. Илька и в урочище Суаткан, где выявлено не менее 35 печей, производивших, главным образом, строительную

¹⁸ Первые обследования упомянутых памятников Каралезской долины, а также Алмалыкского могильника были предприняты В.А. Сидоренко в 1982–1986 гг. (Сидоренко 1991: 114–115), крестообразного храма – В.Л. Мыщом в 1981 г. (Мыщ 1990). Позднее раскопки некрополя в балке Алмалык проводились сотрудниками Мангупской экспедиции с 1996 по 2013 гг. Об их результатах см.: Gercen, Mączyńska, Černyš, Lukin, Urbaniak, Bemmann, Schneider, Jakubczuk 2013.

керамику с VI по XV вв., а также двух христианских храмов в округе г. Илька и на берегу высохшего русла р. Кара-Ильяз (так называемая «базилика Маркевича»)¹⁹. Настоящая работа посвящена итогам раскопок Илькинского христианского культового комплекса.

Храм в округе г. Илька расположен на перекрестке грунтовых дорог, идущих к г. Кая-Баш и в с. Богатое Ущелье. В литературе он впервые упомянут в документации, связанной с разработкой охранных зон Мангупа, где обозначен как «руины постройки, расположенной на развилке дорог XV-XVIII вв.» (Воронин, Герцен 1994: 74). Только в 2012 г. комплекс был подвергнут археологическим исследованиям (площадь раскопа 65,5 кв. м), позволившим установить его объективную атрибуцию и хронологию.

Памятник представляет собой придорожный однефный храм-часовню с прямоугольным наосом и подковообразной в плане апсидой (Рис. 2).

Рис. 2. Храм на г. Илька. Общий план участка исследований 2012 г. (выполнен Д.В. Корзюк)

¹⁹ Предварительные результаты проекта 2010-2013 гг. см.: Науменко 2014. Работы на площади гонимого центра в урочище Суаткан и «базилика Маркевича» были продолжены в 2015 г. и пока еще не завершены. Весь комплекс магнитометрических исследований выполнен Т.Н. Смекаловой и А.В. Чудиным.

Его общие внешние размеры – 5,90 x 3,90 м, по внутреннему обводу – 4,50 x 2,10 м. Ориентирован по оси запад-юго-запад – восток-северо-восток. Вход шириной 1,15 м расположен в южной (боковой) стене постройки, на расстоянии одного блока от ее западного угла. Плановая схема здания имеет значительную кривизну линий стен, сложенных вперевязь, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки шириной 0,85-0,90 м (в апсиде – до 1,00 м), на глиняном связующем растворе. Фундаменты поставлены на выровненную поверхность материкового суглинка и сохранились на высоту 3-6 рядов (до 0,84 м). Характерной особенностью кладки стен является использование, помимо хорошо обработанных блоков известняка, очевидно, из какой-то более ранней по времени постройки, разнокалиберных камней местного природного происхождения (песчаника или аргиллита (?) серовато-зеленого и темно-коричневого цветов) со слабо обработанной поверхностью. Отметим также, что подоосновой восточной (алтарной) части храма является не материк, а поверхность каменной крепи из крупных естественных глыб, сложенной в технике однослойной кладки на грязевом растворе, что закономерно с учетом резкого понижения в этом направлении рельефа местности.

Алтарное пространство Илькинского храма было, очевидно, оштукатурено изнутри. На отдельных крупных фрагментах штукатурки, извлеченных из «слоя разрушения» памятника, сохранились граффити, выполненные остроугольным предметом по сырой поверхности. Среди сюжетов кроме обычных геометрических узоров, которые слабо поддаются реконструкции, отметим изображения животных и людей (голова человека и лошади, контуры собаки и вооруженного всадника), а также граффити с остатками 2-строчной надписи, вероятно, греческими буквами. Отметим, что зоо- и антропоморфные изображения выполнены «твердой» рукой, пропорциональность и реалистичность сюжетов полностью соблюдены, в то время как контуры букв надписи не имеют такой точности.

При анализе композиционно-планировочных компонентов храма обратим внимание на два момента. Во-первых, в процессе работ в апсиде обнаружен полный набор конструктивных элементов алтарного престола. Он состоял из нижней плиты основания (найдена *in situ*; размеры 0,51 x 0,42 x 0,13 м), столба престола в виде четырехгранной колонны высотой 0,54 м и покровной плиты (размеры 0,46 x 0,47 x 0,13 м) (Рис. 3). В литературе такой тип алтарного престола («престол-стол») считается одним из наиболее ранних в христианской литургической практике (Wessel 1963: 113),

Рис. 3. Храм на г. Илька. Алтарный престол (реконструкция; фото В.Е. Науменко)

хотя и продолжает, очевидно, использоваться на протяжении практически всего византийского периода в истории восточно-христианской церкви. На западной грани столба престола, обращенной вовнутрь храма, вырезана неглубокая прямоугольная ниша (размеры 0,07 x 0,04 x 0,04 м) для укладки мощей. Во-вторых, упомянутый входной проем в южной (боковой) стене храма является характерным композиционным приемом для многочисленных однефных одноапсидных церквей XIV-XV вв., известных на территории Южного берега Крыма и в целом горной части полуострова (см. например: Мыц 1991: 34; Лысенко,

Тесленко 2002: 62, 79; Бочаров 2004: 53-55, 57; Кирилко 2010: 312).

О хронологии комплекса можно судить, анализируя стратиграфическую ситуацию на памятнике и полученный археологический материал. Прежде всего, необходимо отметить, что Илькинский храм функционировал короткий промежуток времени и имел только один строительный период. По крайней мере, следов ремонтов и перестроек во время раскопок не обнаружено. Финальный этап его истории связан с каким-то пожаром, следы которого хорошо фиксируются при зачистке внутренней поверхности («пола») памятника. Из «слоя пожара» и «слоя функционирования» храма происходит группа датирующих находок – черепица, в том числе с рельефными метками в виде букв греческого алфавита, бытовая неглазурованная керамика и сосуды, покрытые моно- либо полихромной глазурью местного производства (так называемая группа «Юго-Западный Крым»; «Monochrome

(Yellow) Ware» и «Polychrome (Yellow and Green) Ware»²⁰. Она позволяет датировать Илькинский храм в пределах конца XIV – первой половины XV вв. К сожалению, отсутствуют нумизматические и эпиграфические материалы, которые позволили бы сузить эту датировку. Однако, в комплексе находок нет и артефактов, характерных для памятников округа Мангупа и самого городища в середине – третьей четверти XV вв. (в первую очередь, глазурованные изделия групп «Miletus Ware», «Lustre Ware», «Polychrome (Yellow and Green) Sgraffito Ware» (группа «Юго-Западный Крым», в том числе с монограммами), сосуды из селадона), что позволяет настаивать на такой хронологии.

Библиография

- БОЧАРОВ С.Г. Описание средневековых храмов региона Алушты в архивных материалах П.И. Кеппена // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических»: сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кеппена. – Киев, 2004.
- ГЕРЦЕН А.Г. Позднеантичное святилище на горе Бабулган // V Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы». – Керчь, 2004.
- КИРИЛКО В.П. Фунская часовня №1 // Археологический альманах № 22. Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею О.А. Махневой. – Донецк, 2010
- ЛЫСЕНКО А.В., ТЕСЛЕНКО И.Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – Киев, 2002.
- МОИСЕЕВ Д.А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька // МАИЭТ. – Симферополь, 2014. Вып. XIX.
- МЫЦ В.Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. – 1990. № 1.
- МЫЦ В.Л. Укрепления Таврики X-XV вв. – Киев, 1991.
- НАУМЕНКО В.Е. Археологические исследования средневековых памятников Адым-Чокракской долины Крымских предгорий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014. Т. III.
- ВОРОНИН Ю.С., ГЕРЦЕН А.Г. Памятники архитектуры и археологии. Бахчисарайский район. Научно-производственные

²⁰ Строительная керамика из раскопок храма опубликована (Моисеев 2014).

работы по обследованию территорий и подготовке предложений по организации зон охраны памятников. Т.6. Научно-исследовательские работы по обследованию территорий и по организации зон охраны памятника архитектуры и археологии городища Мангуп и памятников его округи. – Симферополь, 1994.

СИДОРЕНКО В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. – Симферополь, 1991. Вып. II.

BEMMANN J., SCHNEIDER K., GERCEN A.G., ČERNÝŠ S., MAČZYŃSKA M., URBANIAK A., FREDEN U. von. Die frühmittelalterlichen Gräberfelder von Adym-Čokrak, Južnyj I und Južnyj II am Fuss des Mangup – Ein Vorbericht // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches. – Mainz, 2013.

GERCEN A.G., MAČZYŃSKA M., ČERNÝŠ S., LUKIN S., URBANIAK A., BEMMANN J., SCHNEIDER K., JAKUBCZUK I. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Almalyk-dere am Fuss des Mangup-plateaus // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches. – Mainz, 2013.

SCHREG R. Forschungen zum umland der höhlenstädte Mangup und Eski Kermen – eine umwelthistorische perspective // Die Höhensiedlungen im bergland der Krim. Umwelt, kulturaustausch und transformation am Nordrand des Byzantinischen Rieches. – Mainz, 2013.

WESSEL K. Altar // Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. – Stuttgart, 1963.

С.В. ПОЛЕХОВ

Институт российской истории РАН
(Москва)

М.Н. БУТЫРСКИЙ

Государственный музей Востока
(Москва)

ВИЗАНТИЙСКИЙ ОРИГИНАЛ ПЕЧАТИ КНЯЗЯ ИВАНА ГОЛЬШАНСКОГО (ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ)

Подвесная восковая печать князя Ивана Ольгимонтовича Гольшанского (Рис. 1) сохранилась при грамоте Витовта от 19 января 1390 г. (Кёнигсбергский архив, Фонд «Прусское культурное наследие», Берлин)²¹.

Рис. 1. Восковая печать князя Ивана
Ольгимонтовича Гольшанского
из Кёнигсбергского архива.

В овальном поле печати размещено полнофигурное изображение стоящей Богоматери, вправо, в мафории и гиматии, с моленным жестом вытянутых вперед и вверх рук. Богоматерь обращена к сегменту неба, откуда Её благо-словляет Божествен-ная Десница. В поле вырезан эпитет Богоматери – АГИОСОРИТИСА, круговая легенда содержит имя владельца. Форма и композиция печати типичны для Северо-Восточной

Руси и Великого княжества Литовского XIV-XV вв. (Соболева 2006: 85-87), однако её редкой особенностью является использование образа Богоматери в византийской иконографии Агиосоритиссы, удостоверяемой греческими эпитетами.

²¹ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStAPK), XX. HA, Perg.-Urk., Schiebl. 57, Nr. 11. Текст и краткое описание грамоты опубликованы: CEV. № 64. S. 20-21.

Изобразительный тип Богоматери-просительницы складывается в византийском искусстве уже к IX в. К примеру, его можно видеть на мозаике церкви св. Димитрия в Фессалонике. (См.: Bakirtzis, Kourkoutidou-Nikolaidou, Mavropoulou-Tsioumi 2012: 162, ill. 42). Эпитет Агиосоритисса для данного типа впервые засвидетельствован моливдовулом 1060-х гг., владельцем которого был Петр Ливеллисий, вестарх и дукс Селевкии (Wassiliou, Seibt 2004: 250, nr. 257). Подписной образ Богоматери Агиосоритисы представлен в числе пяти чтимых Богородичных икон на синайской иконе мастера Иоанна Тобаби конца XI – начала XII вв. (см.: Soteriou, Soteriou 1956: fig. 146; Ibidem 1958: fig.121-130; Weitzmann 1976: pl. 36).

Следует полагать, что оба памятника воспроизводят одну из почитавшихся в Константинополе Богородичных икон. Однако единственными свидетельствами в пользу этой иконы выступают её подписные воспроизведения в иконописи, сфрагистике и нумизматике; письменные и нарративные источники (напр., сообщения паломников) о ней молчат. Видимо этому гипотетическому образу и обязан своим существованием иконографический тип Агиосоритиссы – Святоторащицы.

Чтимая икона могла располагаться в так называемой Ἀγία Σορός «Святая Рака». (о предполагаемой иконе Богоматери в Агия Сорос см.: Кондаков 1915: 294-315; Пуцко 1975: 345-362; Sevcenko 1991: 2171). Напомним, что Ἀγία Σορός именовались два святилища-реликвария византийской столицы: северный придел Халкопратийского храма, где хранился пояс Богоматери (Lathoud 1924: 36-61; Mango 1991: 407-408 (с библиографией); Шалина 2005: 282-283; 287-292) и ротондальная капелла Влахернской базилики, куда была вложена Её риза (Mango 1991: 293 (с библиографией); Шалина 2005: 275-282; 284-287; 289-292). Уточнить вероятное местонахождение иконы Агиосоритиссы по имеющимся свидетельствам не представляется возможным. Допустимую пару ей в Агия Сорос составляла икона Христа, к Которому обращалась Мария; на печатах и монетах Его присутствие чаще всего обозначается Божественной Десницей в сегменте неба.

Популярность образа Богоматери Агиосоритиссы в византийской сфрагистике засвидетельствована целым рядом печатей XI–XII вв., принадлежавших лицам как светского, так и духовного звания (Seibt 1987: 48-50). После XIII в. он почти не встречается.

Образ Агиосоритиссы на печати Ивана Гольшанского с точки зрения своей византийской иконографии полностью нормативен. Зеркальный перевод обоих сопутствующих эпитетов – «Мать Бога» и «Агиосоритисса» при читаемой кольцевой легенде можно

объяснить использованием в качестве матрицы византийской инталии (по мнению И.А. Стерлиговой - не ранее XIV в.), не рассчитанной на воспроизведение своего рисунка и текста в оттисках.

Печати из воска приходят на смену свинцовым моливдовулам в поздневизантийское время. Несмотря на то, что византийские восковые печати не сохранились, а их иконография не вполне ясна, можно допустить заимствование отдельных элементов этой практики в литовскую сфрагистику XIV в. До конца столетия Литовское государство оставалось языческим, колеблясь в решающем выборе между православием и католицизмом. Многие литовские магнаты к этому времени уже становились христианами, приверженцами либо западной, либо восточной церкви. Тем самым в культуру Великого княжества открывался широкий доступ элементов как западно-, так и восточнохристианской культурных традиций.

Библиография

- КОНДАКОВ Н.П. Иконография Богоматери. – Петроград, 1915. Т. 2.
ПУЦКО В. Икона Богоматери Агиосоритиссы / Сборник Народного музея. – Београд, 1975. Т. 8.
СОБОЛЕВА Н.А. Очерки истории русской символики. От тамги до символов государственного суверенитета. – М., 2006.
ШАЛИНА И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. – М., 2005.
BAKIRTZIS Ch., KOURKOUTIDOU-NIKOLAIDOU E., Mavropoulou-Tsioumi Ch. Mosaics of Thessaloniki 4th -14th century. – Capon Editions, 2012.
LATHOUD D. Le sanctuaire de la Vierge aux Chalcopratia // *Echo d'Orient*. – Paris, 1924. Vol. 23.
MANGO C. Chalkoprateia // *Oxford Dictionary of Byzantium*. – New York; Oxford, 1991.
SEIBT W. Die Darstellung der Theotokos auf byzantinischen Bleisiegeln, besonders im 11. Jahrhundert // *Studies in Byzantine Sigillography*. Washington, 1987. Vol. 1.
SEVCENKO N.P. Virgin Hagiosoritissa / *Oxford Dictionary of Byzantium*. – New York; Oxford, 1991.
SOTERIOU G., SOTERIOU M. Icones du mont Sinai. 2 voll., – Athenes, 1956-1958.
WASSILIOU A.-K., SEIBT W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich. – Wien, 2004. Teil. 2. WEITZMANN K. The Monastery of Saint Catherine at Mount Sinai: the Icons. – Princeton, 1976.

В.А. СИДОРЕНКО

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ПРЕДЫСТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В 1263 г. через Крым проходило посольство египетского султана к Берке-хану. По Ибнабдезахыру, оно задержалось в пути у императора Михаила Ласкариса и только 17 рамазана 661 г. х. (25.07.1263 г.) продолжило свой путь (Тизенгаузен 1884: 62-63). Если считать, что на дорогу посольству потребовалось не менее пяти дней, то прибытие его в Крым могло состояться не ранее начала осени 1263 г. По Эльмуфаддалу, оно было отправлено из Каира в ответ на посольство Берке еще в 660 г.х., но задержалось на год и три месяца, после чего один из послов вернулся к султану, а второй оставался у Ласкариса до возобновления посольства. Ибнабдезахыр сообщает, что на однодневном расстоянии пути от берега «в поселении, именуемом Крым», послов встретил правитель (*имя не названо*) этого края. Конъектура В.Г. Тизенгаузена «здесь» продолжает вводить в заблуждение исследователей, полагающих, что встреча с правителем Крыма состоялась на горе Судак, и заключающих отсюда о подчинении Судака правителю Крыма. Судя по всему, Судак не находился в административном подчинении ни у правителя Крыма, ни у владельца крымского юрта и тумена (10 000 войска). Десятью годами ранее египетского посольства (в 1253 г.) через ту же Сугдею-Судак пролегал путь монаха-миссионера Рубрука, который сообщал, что в Судаке имелись свои представители управления, хотя в то время они отправились в ставку хана Бату с данью, а в городе оставались только их заместители. То обстоятельство, что Рубрук не упоминает о поселении или городе Крыме, не может свидетельствовать о его более позднем возникновении: христианского миссионера, отправлявшегося исключительно с целью обнаружения христиан в городе Сарае на Волге и посетившего по пути Судак, где по заведомо известным ему сведениям также имелось христианское население, не интересовал

мусульманский центр Крыма, и путь его мог пролегать минуя его. Точно так же и каирское посольство, высадившееся на берег (*не указано где*), минуя Сугдею с ее отчасти христианским населением, сразу же направилось к городу Крыму, где встретило немало мусульман. О существовании правителя более высокого ранга, чем управляющий городом Крымом, сообщается Ибнабдезахыром в описании того же египетского посольства: «Из Крыма они в один день доехали до степи, где застали начальника десяти тысяч всадников (*имя которого не названо*), управлявшего этим краем»:

القرم الى برية يوم واحد افوجدوا بها مقدم عشرة الاف فارس حاكم على تلك (Тизенгаузен 1884: 63).

Местопребывание правителя всего края на границе со степью и топографические условия местности позволяют полагать, что от Крыма посольство двигалось в западном направлении. Таким, отвечающим описанию местом встречи посольства с правителем края, расположенным у начала степной зоны Крыма, является Ак-Кая (Белая Скала) вблизи современного Белогорска, прежнего Карасубазара на р. Карасу. Расстояния между современными Судак и Старым Крымом примерно таково же, как между Старым Крымом и Ак-Каей, соответственно тому оба перемещения посольства занимали равное время – один день пути. Традиционным почитанием Ак-Каи как сакрального центра Крымского улуса является сохранявшаяся в Крымском ханстве традиция проведения здесь общего сбора войска и других особо важных общественных мероприятий.

Эльмуфадаль, компилируя сообщение Ибнабдезахыра, местопребывание первого из встреченных посольством правителей называет то «землей Крым», то «поселением». После Крыма, согласно Эльмуфаддалю, путешественники «ехали степью» (Тизенгаузен 1884: 192), что не соответствует ни замечанию Ибнабдезахыра о том, что послы за второй день пути только «доехали до степи», ни реальному ландшафту местности. О втором правителе Эльмуфадаль почти дословно повторяет за Ибнабдезахыром, что «он командовал над десятком тысяч (воинов) и был правителем всего этого края» (Тизенгаузен 1884: 192). В текстах обоих авторов владение правителя названо *عشرة الاف*.

Оставив в стороне искажения свидетельств Ибнабдезахыра Эльмуфаддалем, вводившие в заблуждения исследователей, заметим, что Эльмуфаддалем сделаны также важные дополнения. К таковым

относятся имена обоих правителей – Табука طوبوق (или Тайука طيوق) и Тукбуги (Токбуги) طوق بغا (Тизенгаузен, 1884: 180, прим. 8).

Созвучность имен طيوق - طوق склоняет к убеждению, что Эльмуфаддалю было известно имя только одного правителя Крыма в двух разных его вариациях, которые он распространил на упоминавшихся Ибнабдездахыром правителей. Вероятно, это Тимур-Бука, упоминаемый на монетах ранней чеканки Крыма. В таком случае осенью 1263 г. по пути к хану Берке в районе Ак-Каи каирское посольство встречалось с правителем иля эмир аль-амиром Тимур-Букой (Тимур-Токой, Тока-Тимуром).

Первые монеты Крыма несут на себе имя Темир-Тока или Темир-Бука. При Берке Тока-Тимур становится амир-аль-амиром левого крыла войска; вероятно, ему же принадлежат мелкие серебряные монеты без обозначения места чеканки со схожими надписями на обеих сторонах «Эмир ал-амир» (Хромов, Настич 2003). Махмуд ибн Вали сообщает, что по воле Бату Тукай-Тимуру были переданы Хаджи-Тархан и округа Каффа и Крым (Султанов 2002: 17). Это свидетельство, дискредитируемое некорректностью терминов, поскольку ни Хаджи-Тархана, ни Каффы в то время не существовало, все же может рассматриваться как сообщение о передаче Тока Тимуру Крыма. Монетная чеканка эмир аль-амира Тока-Тимура отражает его относительную самостоятельность во владении Крымом и номинальность власти хана Берке в Крымском улусе. Как известно, с именем самого Берке монет не чеканилось и в Поволжье. Но в крымской чеканке известны монеты с изображением «стремявидной» тамги и пышным мусульманским лакабом «падишах ислама, хранитель мира и веры», принадлежавшим, очевидно, Берке.

Как известно, монголы и татары сохраняли кочевой образ жизни и не проживали в городах. Сезонное перемещение ордабазаров отмечается вплоть до первой половины XV в. Но в Крыму полукочевой и оседлый характер быта татар распространяется много ранее. Перемену в обычаях и мотивировку отказа от кочевий, возможно, отражает легенда о золотом шатре, якобы разобранном на части после смерти Джанибека. Не случайно родословные беев Крымского ханства путано и различно описывают начала переселений своих родов в Крым: одни считают их со времени завоеваний и кочевий, другие – с оседлого расселения при всевластном темнике Мамае и Токтамыше.

Исторически сложившимся во времена кочевья центром татарских владений на полуострове становится Ак-Кая, место сезонного размещения орды (кочевой ставки) эмира ал-амира и его ордабазара. Династия Тока-Тимуридов, власть которых над Крымом прерывается в период нестабильности, наступившей после смерти Джанибека, находит законное восстановление в Крыму уже в лице первых независимых ханов и основателя новой династии Гераев, сохранявшего за Ак-Каёй значение сакрального центра крымского иля. Как известно, именно на Ак-Кае символически происходила церемония присяги императрице Екатерине II, даваемая беями и мурзами крымских родов после присоединения Крыма к России, известная по изображениям в медальерном искусстве и искусстве.

Библиография

ТИЗЕНГАУЗЕН В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884.

СУЛТАНОВ Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. – М., 2002: 5-23.

ХРОМОВ К.К., НАСТИЧ В.Н. Два редких типа серебряных монет Крыма золотоордынского периода // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция, 14-18 апреля 2003 г. Тезисы докладов и сообщений. – СПб., 2003: 77-79.

В.П. СТЕПАНЕНКО

Уральский федеральный университет
им. Первого президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург)

НИКА МЕЖДУ АНГЕЛОМ И АРХАНГЕЛОМ В ВИЗАНТИИ И НА РУСИ

В 1913 г. на городище золотоордынского Увека была найдена каменная иконка, ныне хранящаяся в фондах Саратовского музея. На ее лицевой стороне – обращенное вправо поясное изображение крылатого персонажа, держащего в руках две ветки, изгибы которых образуют венок. Сзади развеваются концы ленточной повязки на голове. Правое плечо ангела обнажено. Изображение вписано в квадрифолий в круге. Е.В. Николаева считает иконку древнерусской (Николаева 1983: № 367), датируя ее XI–XII вв (?). По мнению исследовательницы, «изображение ангела навеяно образом античной Ники... По видимому, символическое значение богини Ники было перенесено на русскую почву через искусство Византии». Показательно, что впервые издавший иконку А.А. Спицин предполагал, что это «архангел Гавриил из Благовещения».

Скорее всего, иконка действительно византийская или же русская реплика подобного памятника. В Византии данный образ был позаимствован из репертуара римского триумфального цикла. Так, на медных медальонах Септимия Севера Виктория в рост, идущая вправо, держит в руках триумфальный венок и пальмовую ветвь. Этот мотив доживает как минимум до VI в., свидетельством чего является так называемая пластина Барберини с изображением триумфа императора.

По-видимому, данная иконка не была единственной на русской почве, так как известны литые бронзовые гривны и кресты-мощевники XIII–XVI вв., копирующие этот образ. (Порфиридов 1975: 119-124). Возможно, они восходят к иному оригиналу, явно византийскому. Показательно, что в бронзовых репликах изображение дополнено надписью «Святой Михаил архистратиг, небесных сил воевода», хотя ничего общего с иконографией Михаила оно не имеет. Казалось бы, в данном случае мы имеем дело с сугубо русской реинтерпретацией античного сюжета, если не предположить, что это не было сделано ранее в Византии, где

языческая Ника стала христианским ангелом. Особенности иконографии изображения, как кажется, свидетельствуют в пользу последнего предположения.

В 2012 г. Е.В. Степанова издала византийский моливдовул XI в., эрмитажного собрания (Степанова 2012: 314, № 216), принадлежащий Никите, анфипату патрикию и императорскому сакелларию. Обратив внимание на необычную иконографию поясного изображения архангела Михаила на лицевой стороне печати, она предположила, что оно является частью некой композиции. Михаил в ангельском облачении обращен в профиль вправо. В его правой руке украшенный перлами крест на длинной рукоятке, лежащий на правом же плече. Левая рука, по видимому, поднята в жесте благословения.

Михаил в иконографии ангела в сфрагистике XI в. был менее популярен, чем одетый в императорское облачение - дивитиссий с лором, (т.н. лоратный тип) или же в воинское. В качестве примера первого можно привести лишь изображение Михаила в рост на печати патриарха Михаила Керулария и недавно найденной в Плиске и неизданной печати XI в. (сообщение проф. И. Иорданова), тогда как два последних встречаются относительно часто, но это изображение в рост или по пояс в анфас, а не в профиль.

В целом создается впечатление о том, что языческая Ника-Виктория, ставшая в христианской традиции в Византии ангелом (см.: Nikolaou 2004: 62-63; Степанова 2013: 394-407), сохранив ту же иконографию, на русской почве завершила эволюцию, будучи отождествлена с архангелом Михаилом, если, судя по печати Никиты, это ранее уже не было сделано в Византии.

Библиография

- НИКОЛАЕВА Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. // САИ. – М., 1983. Вып. Е1-60.
- ПОРФИРИДОВ И.Г. История одного изображения в древнерусском искусстве // ДРИ. Зарубежные связи. – М., 1975.
- СТЕПАНОВА Е.В. Византийские печати// «Звучат лишь письмена». К 150-летию со дня рождения академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки. – СПб., 2012.
- СТЕПАНОВА Е.В. Богиня победы на ранневизантийских печатях // Византия в контексте мировой культуры. // Труды ГЭ. – СПб., 2013, Т. LXIX.
- NIKOLAOU Yo. Victory transmutes into Angel (5th – 13th c.) // Nike – Victoria on coins and medals. Athens, 2004.

Е.В. СТЕПАНОВА
Государственный Эрмитаж
(Санкт-Петербург)

ПЕЧАТИ И ЕВЛОГИИ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО СИМЕОНА СТОЛПНИКА МЛАДШЕГО

В настоящее время известно значительное число печатей и евлогий с изображением Святого Симеона, шесть из них хранится в Государственном Эрмитаже. На них святой, в монашеском куколе и с бородою, представлен по пояс на высоком столпе, руки его воздеты (Рис. 1).

Рис. 1. Печать – евлогия св. Симеона
из собрания Государственного Эрмитажа (М-6271).

Обычно происхождение этих предметов связывают с монастырем Святого Симеона Столпника Младшего (умер в 592 г.), располагавшемся на Дивной Горе недалеко от Антиохии. Исследователи предполагают, что после отвоевания Антиохии в 969 г. культ Святого Симеона, великого подвижника и чудотворца, пережил новый расцвет, а монастырь, с гробницей святого, стал местом активного паломничества. В пользу этой версии говорит и датировка печатей и евлогий – в основном они относятся к концу X – XI вв. Легенды некоторых из них прямо указывают на то, что это печати монастыря Святого Симеона или членов его монашеской

общины. Известны евлогии в виде медальонов, которые, по всей видимости, раздавались в память о посещении монастыря или совершении паломничества. Значительную сложность в интерпретации представляет группа предметов, имеющих канал для продевания веревочки как у печатей, с легендой «Евлогия Святого Симеона». Обычно их трактуют как печати, но, вероятно, их все-таки следует отнести к кругу собственно евлогий, они могли, например, служить для скрепления емкостей с дарами, которые паломники увозили с собой.

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

ЛОЖЕЧКИ–СИТЕЧКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VI В. ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА²²

В двух женских погребениях второй половины VI в. из Скалистого (склеп 420) и Карши-Баира I (склеп 4, погребение 1) найдены бронзовые ложечки-ситечки длиной 13,0 и 16,5 см, отлитые с полусферическим черпаком и ручкой в виде круглого в сечении стержня, завершающегося петелькой для подвешивания (Веймарн, Айбабин 1993: 102, рис. 72.19; Ушаков, Филиппенко 2004: 308, рис. 2.4). Ручка ложечки из Карши-Баира в месте соединения с черпаком уплощена и украшена врезными поперечными линиями. У ложечки из Скалистого по центру ручки сделан прямоугольный граненый выступ, а переход в черпак оформлен в виде трапецевидной пластины со стилизованными изображениями дельфинов по бокам.

Подобные предметы бытовали в позднеримское и раннесредневековое время на широкой территории от Британии до Северного Кавказа (Martin 2002: 297-298, Abb. 3). Самые ранние экземпляры происходят из кладов второй половины IV – начала V вв. из римских провинций Британии, на Рейне и Подунавья (Уотер Ньютон, Хоксни, Трапрайн Лоу, Августа Раурика, Кибал/Винковцы) (Rütti, Aitken 2003: 67, fig. 75; SanPietro 2014: 173, fig. 4.2; Curle 1923: 75-76, pl. XXVIII.111) и из двух керченских склепов конца IV – первой половины V вв., открытых кладоискателями 24 июня 1904 г. (Засецкая 1993: 71, табл. 39, кат. 188). Ложечки – ситечки являются разновидностью известных с эпохи античности металлических сосудов с длинной ручкой и многочисленными мелкими отверстиям (*colum* или ἰθύμός), предназначавшихся для фильтрации вина, масла или фруктовых соков. Перед подачей на стол вино охлаждали, пропустив через колум, наполненный снегом (Daremberg, Saglio

²² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III-VII вв.)»

1887: 1332; Pétridès 1901: 321; Вейс 2007: 311-312, рис. 413а). Небольшие ложечки-ситечки были столовыми приборами, служившими для очистки вина от примесей и специй, которые римляне любили добавлять в вино. Для разливания вина на пирах использовали изящные, изготовленные из дорогих материалов колумы. Одно из найденных в Керчи ситечек отлито с рельефными фигурками мух (Засецкая 1993: 71, табл. 39, кат. 188). Возможно, с его помощью очищали вино от мошек. Некоторые ситечки изготавливались с зубочисткой на завершении ручки, что превращало их в столовый прибор двойного назначения. Небольшие ситечки также использовались в медицине и в косметике (Daremberg, Saglio 1887: 1332).

Ложечки-ситечки найдены в несколькихкладах церковной утвари ранневизантийского времени из Италии и Сирии (Каносчио, Хама / Капер-Кораон) (Von Hessen 1990: 232-233, kat. NV.16d; SanPietro 2014: 181, fig. 4.9). В Музее Клуни (Париж, Франция) хранится ложечка-ситечко, на ручке которой выгравировано имя Альбина, епископа г. Анже в 520-550 гг. (Gaillet 1986: fig. 1). Подобные предметы упоминаются среди церковных даров и в перечнях литургической утвари под названиями *colum / colatorium* или ἡθμός. Считается, что они предназначались для фильтрования вина для Евхаристии (Pétridès 1901: 321-325; Gaillet 1986: 298).

Во второй половине V–VI вв. ложечки-ситечки распространились у германских народов – остготов (Bierbrauer 1975: Tav. III.2; XLV.4), гепидов (Csallány 1961: Taf. XXXVI.3-5, CCXXXIII.3, CCLXXIV. 5), меровингов (Sage 1984: Taf. 20.5, 71.13, 81.23, 136.10-11), аламанов (Böhme 1988: 29, Abb. 9), а во второй половине VI в. – у готов Крыма. Многочисленные их находки происходят из аварских погребений последней трети VI–VII вв. (Дайм 2002: 295, 307; Lőrinczy, Straub 2005). На протяжении долгого времени – в VI–VIII вв. ложечки-ситечки бытовали у алан на Северном Кавказе (Минаева 1960: 198; Ковалевская 2005: 356-357, рис. 122.70, 83-84, 121; Иерусалимская 2012: 75, илл. 46в). Самые поздние находки ложечек-ситечек встречаются в хазарских погребениях второй половины VIII – первой половины IX вв. (Плетнева 1989: 105, рис. 55.154; Аксенов 1999: рис. 3.21).

Большинство исследователей относят происходящие из варварских погребений ложечки-ситечки к категории женских туалетных принадлежностей, на том основании, что зачастую они были подвешены на одном колечке с копоушкой и зубочисткой / ногтечисткой, или находились в одном наборе с другими предметами этого рода (пинцет, зеркало, кисточка). Т.М. Минаева

предположила, что в ложечках-ситечках процеживались и растирались какие-либо красящие или наркотические вещества (Минаева 1960: 198). Е. Гарам считала, что их могли использовать для просеивания пудры (Garam 2005: 165). Г. Леринци и П. Штрауб реконструировали процесс использования всего набора: сначала инструментами с уплощенным концом (ногчечисткой или копоушкой) удаляли с лица пыль или старые мази, затем ситечком просеивали порошки, дозировали и смешивали их, полученную новую смесь кистью наносили на лицо (Lőrinczy, Straub 2005: 140). Высказанные предположения об утилитарной функции ложечек-ситечек не объясняют их присутствие в захоронениях маленьких детей и многочисленные находки в погребениях одиночных ложечек, без сопутствующих косметических принадлежностей.

В Юго-Западном Крыму ложечки-ситечки обнаружены в составе наборов женских туалетных принадлежностей, включавших копоушку и ногчечистку. Предметы каждого набора выполнены в едином стиле. Вместе они были подвешены к проволочному кольцу с завязанными концами. Эти наборы были частью женского парадного костюма с большой пряжкой – с прямоугольным щитком с изображением льва (Карши-Баир) или орлиноголовой (Скалистое). Происходящие из остготских погребений конца V – первой половины VI вв. наборы с ложечкой-ситечком также были принадлежностью парадного женского костюма с большой пряжкой (Annibaldi, Werner 1963; Bierbrauer 1975: Tav. III.2; XLV.4). Особого внимания заслуживает ложечка-ситечко из Скалистого. По форме и декору (выступы в виде стилизованных дельфинов) она аналогична предметам из позднеримских кладов столового серебра и ранневизантийских кладов церковной утвари. Круглые отверстия расположены на ситечке в форме креста с раздвоенными концами. Христианская символика присутствует и на ложечках из погребений второй половины VI-VII вв. на Северном Кавказе (Западный кутульский склеп 3; Мокрая Балка, катакомба 102/1971; Узун-Кол, могила 1) (Минаева 1960: 197, рис. 6.10; Рунич 1979: 239, рис. 5.12; Афанасьев, Рунич 2001: рис. 114.3-4) и в Венгрии (Bóna, Nagy 2002: 141-142, 301, 352, Abb. 72, Str.; Taf. 27, F; 78.2). Возможно, функция ложечек-ситечек была не только утилитарной.

Библиография

АКСЕНОВ В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita Antiqua*. 1999. № 2.

- АФАНАСЬЕВ Г.Е., РУНИЧ А.П. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. – М., 2001.
- ВЕЙМАРН Е.В., АЙБАБИН А.И. Скалистинский могильник. – Киев, 1993.
- ВЕЙС Г. Всеобщая история мировой культуры. – М., 2007.
- ДАЙМ Ф. История и археология авар // МАИЭТ. – Симферополь, 2002. Вып. IX.
- ЗАСЕЦКАЯ И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н.э. // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III.
- ИЕРУСАЛИМСКАЯ А.А. Мощевая Балка. – СПб., 2012.
- КОВАЛЕВСКАЯ В.Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – М., 2005.
- МИНАЕВА Т.М. Поселение в устье р. Узун-Кол // СА. – 1960. №2. С. 193-207.
- ПЛЕТНЕВА С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989.
- РУНИЧ А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. – 1979. № 4. С. 232-247.
- УШАКОВ С.В., ФИЛИППЕНКО А.А. Аланский склеп в могильнике Карши-Баир в Юго-Западном Крыму // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Часть 2. – СПб., 2004.
- ANNIBALDI G., WERNER J. Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Ascoli Piceno (Marche) // Germania. –1963. N 41.
- BÖHME H.W. Zur Bedeutung des spätromischen Militärdienstes für die Stammesbildung der Bajuwaren // Die Bajuwaren. Von Severin bis Tassilo 488-788. – München, 1988.
- BIERBRAUER V. Die Ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. – Spoleto, 1975.
- BÓNA I., NAGY M. Gepidische Gräberfelder am Theissgebiet. I. – Budapest, 2002.
- CSALLÁNY D. Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubecken (454-568 u.Z.). – Budapest, 1961.
- CURLE A.O. The Treasure of Traprain. – Glasgow, 1923.
- DAREMBERG CH., SAGLIO E. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines. – Paris, 1887. Vol. I.2.
- GAILLET J.-P. La passoire liturgique de Saint-Aubin d'Angers? // Bulletin Monumental. – 1986. T. 114, n4.
- GARAM È. Funde byzantinischer Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. bis zum Ende des 7. Jahrhunderts // Monumenta Avarorum Archaeologica. – Budapest, 2001. N 5.

Von HESSEN O. Il processo di romanizzazione // I Longobardi. – Milano, 1990.

LŐRINCZY G., STRAUB P. Úlabb adatok az avar kori szűrőkanalak értékeléséhez III // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve (Studia Archaeologica 11). – Szeged, 2005.

PÉTRIDÈS S. Le couloir lithurgique dans le rite grec // Echos d'Orient. – 1901. T.4. N 6.

RÜTTI B., AITKEN C. Le trésor. L'argenterie romain de Kaiseraugst redécouverte. // Augster Museumshefte. – Augst, 2003. N 32.

SAGE W. Das Reihengräberfeld von Altenerding in Obberbayern. I. // Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Serie A. – Berlin, 1984. Band XIV.

SANPIETRO I. Money, Power, Respect: Charity and the Creation of the Church. – Columbia University, 2014.

Н.И. ХРАПУНОВ

Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
(Симферополь)

КАК ЕКАТЕРИНА II ХЕРСОН ИСКАЛА²³

Вопрос о локализации византийского Херсона во второй половине XVIII в. казался далеко не столь очевидным, как сейчас. После того, как последние жители оставили город в середине XV в., память о нем сохранялась недолго. Этому способствовало то, что вся территория Гераклеяского полуострова стала сезонным пастбищем, где не было постоянного населения. Через 200 с лишним лет османский автор Эвлия Челеби зафиксировал фантастические легенды о развалинах «желтой крепости», свидетельствующие о том, что в Крыму память об историческом Херсоне забылась. В XVI–XVII вв. город исчез с европейских географических карт. Русские и украинские книжники помнили о Корсуні в связи с крещением князя Владимира, не предавая, однако, значения его локализации. Поиск точного места византийского Херсона стал актуальным, научным и политико-идеологическим вопросом в связи с военными и дипломатическими успехами России в Северном Причерноморье в правление Екатерины II.

Путешественники и кабинетные исследователи предложили несколько вариантов локализации византийского Херсона. Русские топографы, начавшие работу на территории Крыма в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг., а также И.-Г. Штриттер, И.-Э. Тунманн, И.Н. Болтин, В.Ф. Зуев, П. ван Вунсел и граф де Людольф полагали, что город находился на нынешнем Гераклеяском полуострове, то есть там, где его локализует современная наука. Ж.-Б. д'Анвилль и Кл.-Ш. де Пейссоннель отождествили его с татарским городом Кезлев (нынешняя Евпатория). М.И. Ломоносов, М.М.

²³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

Щербатов, П.-Ш. Левек и Н.-Г. Леклерк полагали, что Херсон тождественен Феодосии (Кафе), а Ш. де Бар в 1784 г. даже видел там перестроенную в мечеть церковь, где якобы крестился Владимир. Наконец, В.Н. Татищев «перенес» Корсунь за пределы Крыма, связав его с османской крепостью Кинбурн в Днепро-Бугском лимане. Екатерина II осознавала эту проблему в 1782 г., когда работала над «Записками касательно российской истории», в которых сделала выбор в пользу версии Татищева. Но понимала ли она ее в 1775 г. когда решила назвать «Херсоном» будущий город в нижнем течении Днепра, или исходила исключительно из идеологических соображений?

В любом случае, первое присоединение Крыма к России заставило изменить официальную точку зрения. 8 марта 1784 г. был утвержден герб Таврической области, символика которого говорила о крещении князя Владимира на Крымском полуострове. Заметим, что известные слова Григория Потемкина о Таврическом Херсоне – будущем российском рае и истоке русского христианства, относятся к Крымскому полуострову, а не городу. Именно Крым имеется в виду в легенде чеканенных в Феодосии монет «царицы Херсонеса Таврического». Место Херсона в Крыму еще предстояло отыскать.

По указанию Потемкина этим занялись его приближенные – архиепископ Евгений Булгари, полковник Бальдани и таврический вице-губернатор К.-Л. Габлиц. Первый изучал письменные источники, а последние двое выезжали на местность, собрав убедительные доказательства о нахождении развалин Херсона близ строящегося Севастополя. Составленная в окружении Потемкина «Краткая идея об укреплении севастопольского пристанища» (предназначенного для флота) и официальная программа путешествия Екатерины II на юг однозначно локализуют византийский город на его историческом месте. Нередко высказывается мысль о том, что во время пребывания императрицы в Севастополе она посетила развалины Херсона, однако это противоречит данным официальных журналов о ее путешествии в 1787 году.

Задержавшаяся локализация древнего города привела к ряду недоразумений. Его название унаследовал новый центр на нижнем Днепре, тогда как строившаяся поблизости база Черноморского флота стала «Севастополем» в честь античной крепости, находившейся на месте нынешнего абхазского Сухума. Позднее знаменитый путешественник Э.-Д. Кларк иронизировал над этим «невообразимым» названием. Не знакомые с аргументами Евгения Булгари, Бальдани и Габлица путешественники и исследователи

объединяли в истории с крещением Владимира Херсонесское городище и Кафу (А. Нарушевич, П.И. Сумароков, М. Гатри, Г. де Кастельно). Иногда городище воспринимали как цитадель древнего города, занимавшего едва ли не весь Герайклейский полуостров (автор «Писем путешественника по южным провинциям России», предположительно Г. де Кастельно, и Дж.-М. Джоунз).

По-видимому, решающую роль в утверждении в общественном сознании «Ахтиарской» локализации Херсона стали «бестселлеры» начала XIX в. – сочинения П.-С. Палласа (друга Габлица), С. Сестренцевича-Богуша и Н.М. Карамзина. Но своеобразным памятником Екатерининской эпохи до сих пор остается «раздвоение» города, когда в двух с лишком сотнях километрах от развалин древней Корсуни в Крыму находится новый Херсон – областной центр на Днепре.

В.Н. ЧХАИДЗЕ
Институт археологии РАН
(Москва)

ПЕЧАТИ ТОРНИКА ВАРАЗВАЧЕ (XI В.)

В «Хронике» Иоанна Скилицы под 1038 г. содержится рассказ об отражении нападения на Эдессу арабов, с которыми расправился городской стратиг, каковым в это время являлся протоспафарий Варазваче Ивир (στρατηγούντος γὰρ ἐν αὐτῇ τοῦ πρωτοσπαφάριου Βαρασβατζῆ τοῦ Ἰβήρου). Он же упомянут Скилицей в связи с заговором 1029 г. Константина Диогена против Романа III Аргира. Заговор был раскрыт, его участники, включая Варазваче, были подвергнуты публичному бичеванию (Scylitzae 1973: 403₃₂₋₃₃; ср.: Шандровская 1975: 46; 1976: 219-220; Степаненко 1999: 145; 2008:189).

В 70-х гг. XX в. В.С. Шандровской была опубликована эрмитажная печать (Рис. 1), на лицевой стороне которой помещено изображение шестиконечного процветшего креста на трех ступенях и круговая инвокативная надпись: +Κ(ύρι)ε [β]ο[ή]θει τ[ῷ] σ[τ]ρ[α]τ[η]γ[ῶ]ν δούλ(ῳ).

Рис. 1. Печать Торника Варазваче, протоспафария и стратига (1030–1038 гг). ГЭ (М-1265).

На оборотной стороне моливдовула пятистрочная надпись, украшенная декоративными элементами между двух депестков: сверху – крестик из четырех жемчужин; снизу – жемчужина:

—|—|ΤΟΡΝΙΚ|Γ|ΑΣΠΑΘΣ|ΣΤΡΑΤΙΓ|ΤΩΡΑΡΑ|.ΡΑΤΕ|—|—

Τορνικῷ (πρωτο)σπαθ(αρίῳ) (καὶ) στρατηγ(ῶ) τῷ Βαρα[σ]βατζέ –
Господи, помоги своему рабу Торнику Варазваче,
протоспафарию и стратигу.

Владелец печати был отождествлен со стратигом Эдессы, упоминаемым Скилицей, а сам моливдовул датирован 1030–1038 гг. (Шандровская 1975: 46-47, рис. 1; 1976: 219-221, рис. 2; 1977: 138, № 730)

Впоследствии В.П. Степаненко отождествил Торника Варазваче с представителем происходящего из Тао ивирского рода Чортванели. Правда, не понятно, по какой причине исследователь называет его *протоспафарием* и *катепаном* Эдессы (Степаненко 1999: 145; 2006: 227, № 21), в то время как в источнике он назван *протоспафарием* и *стратигом* Эдессы. Скилица также упоминает его брата (?) Георгия, отмечая, что оба (?) являлись племянниками патрикия Февдата (Scylitzae 1973: 377₉₅), которого В.П. Степаненко относит к представителям также ивирского рода Цоцикиев (Степаненко 1999: 145-146; 2003: 176; 2006: 227, №№ 20, 22; 2008: 191-192).

Впрочем, В.А. Арутюнова-Фиданян продолжает считать упомянутого Скилицей стратига Эдессы Варазваче представителем армяно-халкидонистского рода Торникянов из Тайка (Арутюнова 1973: 139-140, 142, 153, № 4; Арутюнова-Фиданян 1994: 85-86; ср.: Степаненко, 1995: 60; 1999: 138, 146; 2000: 56-58; см. также: Cheynet 2001: 59; Йорданов 2014: 166; Брюн 2015: 583).

Еще одна эрмитажная печать (Рис. 2), опубликованная В.С. Шандровской, на лицевой стороне имеет аналогичное первой печати, изображение креста (при некотором отличии в передаче деталей) и круговую надпись: [+ K(ύρι)ε βο]ήθει τῷ σῶ δοῦλ(ῳ).

Рис. 2. Печать Торника Варазваче, протоспафария и стратига Эдессы (1030–1038 гг.). ГЭ (М-8668).

На обороте пятистрочная надпись, украшенная сверху крестиком из четырех жемчужин между двух лепестков:

---|TOPNI|K-ĀCΠA|ΘCCTPA|THΓ...|..Δ.C..

Τορνικ(ίω) β(ασιλικῶ) (прото)спаθ(αρίω)

(καὶ) στρατηγ(ῶ) [Є]δ[έ]σ(σης) –

+ Господи, помоги своему рабу Торнику,

императорскому протоспафарию и стратигу Эдессы[?].

Печать в нижней части повреждена, поэтому название *фемы* (Эдесса) прочитано предположительно. Владелец этого моливдовула был отождествлен с владельцем первой печати, дата: 1030–1038 гг. (Шандровская 1975: 47–48, рис. 2)

Еще один моливдовул Торника Варазваче в 2000 г. поступил в Нумизматический музей в Афинах. На лицевой стороне – такое же изображение шестиконечного процветшего креста, с круговой надписью: [+K(ύρι)Є] βοήθει τῷ σῷ δοῦλ(ω). На обороте пятистрочная надпись, украшенная сверху жемчужиной между двух лепестков: ---|TOPNI|K-ĀCΠAΘ|CCTPA T Γ|TORAPA|..TE –

Τορνικ(ίω) β(ασιλικῶ) (прото)спаθ(αρίω)

(καὶ) στρατ(η)γ(ῶ) τῷ Βαρα[σβα]τζέ

+Господи, помоги своему рабу Торнику Варазваче,

императорскому протоспафарию и стратигу.

Предложенная дата: 1030–1038 гг. (Koltsida-Makre 2006: 19, № 10 – надпись прочитана неверно, пропущено: βασιλικῶ) (Рис. 3).

Рис. 3. Печать Торника Варазваче, протоспафария и стратига из Афинского нумизматического музея.

Отдельно следует указать на происходящую из коллекции Сейрига печать с архангелом Михаилом на аверсе и монограммой имени Торник (Τορνίκιϝ) на реверсе; по кругу – надпись, в которой он назван Варазваче, протовестом (πρωτοβέστη τῷ Βαρασβατζέ). Моливдовул датирован 80-ми гг. XI в., а его владельцем назван один из потомков Торника с таким же именем (Cheynet, Morrisson, Seibt 1991: 57, № 63). Еще одна печать Торника с аналогичной монограммой, но двумя архангелами на аверсе, хранится в Нумизматическом музее в Афинах и отнесена ко второй половине XI в. (Κολτσίδα-Μακρή 1996: 119, № 322). Согласно мнению В.П. Степаненко, датировка печатей не является неоспоримой и их владельцем может быть тот же Торник Варазваче на одном из последующих этапов своей карьеры (Степаненко 2006: 227, № 23).

Частная печать Торника, которого Ж.-К. Шене отождествляет с Торником Варазваче двух предыдущих печатей, происходит из музея Хатей (Антиохия). На аверсе моливдовула – изображение архангела Михаила. Предложенная дата: вторая половина XI в. (Cheynet 2003: 446-447, № 34).

Наконец, в 2015 г. на Таманском городище (средневековая Матарха) был найден еще один моливдовул Торника Варазваче. На лицевой стороне – все то же изображение шестиконечного процветшего креста, с круговой надписью: [+ Κ(ύρι)ε βο]ήθει τῷ σῷ δοῦλ(ῳ). На обороте неполная пятистрочная надпись:

ΤΟΡΝΙΚ̅|Κ̅.Ρ̅..ΠΑ|Θ̅.ΣΤΡΑ|.-ΗΓΚ̅.|... –

Τορνικ(ίϝ) β(ασιλικῷ) [(πρωτο)σ]παθ(αρίϝ) (καί) στρα[τ]ηγ(ῷ) Κ....

Господи, помоги своему рабу Торнику, императорскому протоспафарию и стратигу К....

Последняя строка легенды не читается (Рис. 4).

Рис. 4. Печать Торника Варазваче, протоспафария и стратига из Тамани (2015 г.).

Нетрудно отметить, что расположение букв в первых трех строках идентично эрмитажной печати (М-8668), в четвертой строке расстояние между буквами различно, и на таманском экземпляре четко читается «каппа». Учитывая, что место правления стратига – Эдесса – на эрмитажном экземпляре прочитано условно, можно предполагать два варианта. В первом, таманская печать указывает еще на одно место службы Торника – мы склоняемся к *феме* Каппадокии, в пользу чего говорит и наличие «дельты» в последней строке эрмитажной печати. Во втором варианте, предположение В.С. Шандровской не верно, и на эрмитажном экземпляре Торник также назван стратигом Каппадокии(?).

В этой связи интересно указать на печати первой четверти XI в. Ферса Цоцикия, анфипата патрикия и стратига Каппадокии (McGeer, Nesbitt, Oikonomides 2001: 120-121, нг. 43.13; Степаненко 2009: 236, табл. XXV.4). Ферс отождествляется с братом патрикия Февдата (помимо Скилицы, упомянуты Маттэосом Урхайеци), дяди Торника Варазваче, согласно сообщению Скилицы (Scylitzae: 367.54-68) – Ферс участвовал в заговоре против Василия II и в 1022 г. был за это казнен (Степаненко 2008: 192; 2009: 239-242).

Остается надеяться, что обнаружение новых печатей Торника Варазваче прольют свет на идентификацию фемы, стратигом которой он являлся. Однако уже можно отметить, что находка печати Торника Варазваче в Матархе представляет несомненный интерес в контексте связей Малой Азии и Северного Причерноморья в средневизантийский период.

Библиография

- SKYLITZAE: Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum. Editio Princeps. Recensuit I. Thurn / Corpus Fontium Historiae Byzantinae. – Berlin, 1973. Vol. V.
- АРУТЮНОВА В.А. Византийские правители Эдессы в XI в. // ВВ. – М., 1973. Том 35.
- АРУТЮНОВА-ФИДАНЯН В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. – М., 1994.
- БРЮН С.П. Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XIII вв. К истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах Востока. – М., 2015. Том II.
- ЙОРДАНОВ И. Печатите на Теодорокан, патриций и катепан на Едеса (средата на XI в.) // АДСВ. – Екатеринбург, 2014. Вып. 42.

- СТЕПАНЕНКО В.П. К датировке печати Тавтука, проедра и катепана Самосаты // АДСВ. Византия и Средневековый Крым. – Симферополь, 1995. Вып. 27.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Чортванели, Торники и Тарониты в Византии (к вопросу о существовании т.н. Тайской ветви Торникянов) // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. Вып. 30.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Армяне–халкидониты в истории Византии XI в. // ВВ. – М., 2000. Том 59.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Армяне в Византии XI в. в свете новых данных сигиллографии // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. – М., 2003.
- СТЕПАНЕНКО В.П. К просопографии т.н. ивирских родов в Византии конца X–XI в.: Чортванели и Пакурианы // АДСВ. – Екатеринбург, 2006. Вып. 37.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Цоцикии в Тао и Византии в конце X–XI вв. // Acta Musei Variaensis. – Varna, 2008. Vol. VII-2.
- СТЕПАНЕНКО В.П. Ферс Цоцикий, антипат, патрикий и стратиг Каппадокии // Нумизматика, сфрагистика и эпиграфика. – София, 2009. Т. 5.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Одно уточнение текста «Хроники» Скилицы по материалам сфрагистики // СГЭ. – Л., 1975. Вып. XL.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Несколько византийских печатей из коллекции Эрмитажа // Actes du XIVe Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 6–12 septembre 1971.– Bucarest, 1976. Т. III.
- ШАНДРОВСКАЯ В.С. Сфрагистика // Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. – Л., 1977.
- CHEYNET J.-C. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantin. – Paris, 2001.
- CHEYNET J.-C. Sceaux de la collection Khoury // Revue Numismatique. – Paris, 2003. Vol. 6. № 159.
- CHEYNET J.-C., MORRISSON C., SEIBT W. Les sceaux byzantins de la collection Henri Seyrig. – Paris, 1991.
- ΚΟΛΤΣΙΔΑ-ΜΑΚΡΗ I. Βυζαντινὰ μολυβδόβουλλα. Συλλογὴ ρφανίδη-Νικολαΐδη Νομισματικού Μουσείου Αθηνών. – Αθῆνα, 1996.
- KOLTSIDA-MAKRE I. New acquisitions of Byzantine Lead Seals in the Athens Numismatic Museum Collections // SBS. – Paris, 2006. Vol. 9.
- MCGEER E., NESBITT J., OIKONOMIDES N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 4. The East. – Washington, 2001.

Д.А. ШАЛЫГА
Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Таврическая академия
(Симферополь)

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА КРЫМСКИХ ГОТОВ²⁴

Современное изучение языка крымских готов основывается на двух типах письменных источников.

Первая группа представляет собой упоминания историков или свидетельства путешественников о существовании крымских готов и их языка, начиная с раннего средневековья и до XVIII в. Большая часть этих кратких свидетельств рассматривается еще в трудах В. Томашека (Tomaschek 1881), Ф. Брауна (Braun 1890), Р. Лёве (Loewe, 1896) и А.А. Васильева (Vasiliev 1936). Среди наиболее важных в этом отношении источников следует назвать известное и часто цитируемое свидетельство фламандского монаха-францисканца Вильгельма Рубрука, посетившего Крым в 1253 г. и ассоциировавшего язык местных готов с немецким: «между Керсоной и Солдаией существует сорок замков; почти каждый из них имел особый язык; среди них было много готов, язык которых немецкий» (Путешествие ... гл. 1; Loewe 1896: 114; Равдоникас, 1932: 7; Vasiliev 1936: 172; Stearns 1978: 5-6; Rousseau 1991: 151; Ганина 2011: 76). О сходстве языка крымских готов с английским языком пишет в своем труде «Книга познания мира» (1404 г.) архиепископ Султании Иоанн де Галонифонтибус: «Вдоль и вокруг Черного моря живут два малых народа: таты и некоторое число готов. В своей религии они следуют грекам и пользуются греческими буквами» (Галонифонтибус, гл. 8). О близости языка крымских готов и немецкого языка и об ассимиляции готов и алан сообщается в известном сочинении «Путешествие в Тану» (1436-1452) венецианского купца Иосафато Барбаро: «Далее за Каффой, по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней – Алания, которая тянется по «острову» в направлении к Монкастро, как мы уже сказали выше. Готы говорят по-немецки. Я знаю это потому, что со мной был мой слуга-немец; они с ним говорили, и [обе стороны] вполне понимали друг друга подобно тому, как поняли бы один

²⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10123 «Крымские готы страны Дори (середина III-VII вв.)»

другого фуруланец и флорентиец. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы» (Барбаро, §51; Tomaschek 1881: 49; Vasiliev 1936: 219; Rousseau, 1991: 151; Ганина 2011: 78 и сл.). Сообщение Виллибальда Пиркгеймера, патриция из Нюнберга, известного разносторонними научными интересами, о встрече нюрнбергских купцов и крымского гота датируют временем до 1518 г., так как на него в работе от этого года ссылается Франциск Иреник (Nøst 1971: 79; Stearns 1978: 8; Ганина 2011: 81). Рассказ Пиркгеймера использован и в сочинении силезского хрониста Йоахима Куреуса «История религии готов в Херсонесе Таврическом» (1574). Потерпевшие кораблекрушение купцы, оказавшись на берегу близ Боспора Фракийского, услышали в песне юноши слова из какого-то германского языка («*verba germanica*») и к своему удивлению узнали от него о живших в горах готах (Loewe 1896: 116-125; Vasiliev 1936: 274; Stearns 1978: 7; Rousseau 1991: 152; Ганина 2011: 81). Сообщение Пиркгеймера также послужило одним из источников для теолога и историка Георга (Гальсбанда) Торквата (1513-1575). О готах, оставшихся в горах близ Херсонеса Таврического, в своем труде «Лейпцигские и кведлинбургские анналы» (1561-1574) он пишет, что между собой и дома они говорят на диалекте, близком саксонскому, а с представителями других народов используют или греческий, или татарский, или венгерский (Loewe 1896: 47-48; Vasiliev 1936: 274; Stearns 1978: 9; Rousseau 1991: 152; Ганина 2011: 82). А. Руссо видит значение этих свидетельств для лингвистических исследований в регулярном подтверждении наличия у крымских готов их языка и его принадлежности к германским языкам (Rousseau 1991: 143-144).

Многочисленные свидетельства способствовали интересу европейских гуманистов к судьбе крымских готов и их языку. Они подготовили почву для появления и обосновывали достоверность свидетельства другого рода, а именно уникального сообщения ученого и дипломата Ожье Гислена де Бусбека. В Константинополе со слов двух информантов из Крыма Бусбек записал крымско-готский языковой материал. Сведения о крымских готах, крымско-готско-латинский глоссарий и образец кантилены, образец устного литературного творчества, он изложил в четвертом «Турецком письме» (01.09.1555 г.-16.12.1562 г.) (Busbequius 1589). Бусбек был

единственным, кому удалось провести такое полевое исследование. Его сообщение положило начало собственно лингвистическому и этимологическому изучению языка крымских готов.

Библиография

- БАРБАРО И. Путешествие в Тану // Восточная литература. Среднековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frametext.htm> (08.03.16).
- ГАНИНА Н.А. Крымско-готский язык. – СПб., 2011.
- ГАЛОНИФОНТИБУС И. де. Книга познания мира // Восточная литература. Среднековые исторические источники Востока и Запада. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Galonifontibus/frametext.htm> (11.03.16).
- Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благости 1253. Послание Вильгельма де Рубрук Людовику IX, королю французскому // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/rubruk.htm> (08.03.16).
- РАВДОНИКАС В.Й. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием северного Причерноморья // ИГАИМК. – 1932. Т. 12. Вып. 1-8. С. 5-106. (Готский сборник / Отв. ред. В. И. Равдоникас. – Л., 1932).
- BRAUN F. Die letzten Schicksale der Krimgoten // Jahresbericht der Reformierten Kirchenschule zu St. Petersburg. – St. Petersburg, 1890. S. 3-80.
- BUSBEQUIUS A.G. de. Legationis Turcicae epistolae quatuor. Quarum priores duae ante aliquot annos in lucem prodierunt sub nomine Itinerum Constantinopolitani et Amasiani. Adiectae sunt duae alterae. Eiusdem de re military contra Turcam instituenda consilium. – Parisiis: Beys, 1589.
- HØST G. Spuren der Goten im Osten // Norsk Tidsskrift för Sprogvidenskap. – 1971. Bd. 25. S. 45-90.
- LOEWE R. Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. – Halle, Niemeyer, 1896.
- ROUSSEAU A. Esquisse d'une histoire du gotique de Crimée. Le rôle de Busbecq // Sur les traces de Busbecq et du gotique. – Lille, 1991.
- STEARNS McD. Jr. Crimean Gothic: Analysis and Etymology of the Corpus. – Saratoga; California, 1978.
- TOMASCHEK W. Die Goten in Taurien. – Wien, 1881.
- VASILIEV A.A. The Goth in the Crimea. – Cambridge; Mass, 1936.

А. В. ШАМАНАЕВ

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)

**СОСТОЯНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ
ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА В 1880-Х ГГ.
(по материалам докладных записок
В. В. Суслова и Н. П. Кондакова в ИАК)**

В конце 1880-х гг. в истории раскопок и охраны Херсонесского городища произошли изменения, оказавшие кардинальное влияние на степень его изученности, сохранность, восприятие научного и общественного значения. Обстоятельства отстранения монастыря св. Владимира и Одесского общества истории и древностей от исследований, перехода памятника под контроль Императорской Археологической Комиссии (ИАК) хорошо описаны в литературе (Гриневич 1927: 23-24; Стоянов 2009: 526-529; Калиновский 2012: 157-164). Однако изучение новых архивных материалов позволяет получить детализированное представление о событиях 1887-1888 гг. и рассмотреть практики организации археологических исследований и охраны культурного наследия российскими археологами конца XIX в.

Концепция деятельности ИАК на Херсонесском городище сложилась к лету 1887 г. и предусматривала проведение систематических археологических раскопок, организацию охраны памятника и создание музея (НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 34-36об.; Стоянов 2009: 527; Шаманаев 2013-2014: 241-244). Приступив к реализации этого проекта, руководители ИАК столкнулись с проблемой дефицита информации об актуальном положении дел на территории Херсонеса. Одним из способов получения нужных сведений были отчеты об инспекциях. Они проводились по поручению Комиссии доверенными лицами, оказавшимися в Крыму в связи с разными обстоятельствами.

Так, весной 1888 г. обследование памятника произвели В.В. Суслов (академик, архитектор-реставратор, археолог) и Н.П. Кондаков (историк, искусствовед, археолог, младший член ИАК). Оба специалиста представили рапорты, в которых отразили свои

впечатления о состоянии памятника (НА ИИМК РАН, РА: ф. 1, 1887 г., д. 22, л. 60-61об., 63-66об.). Документы различаются деталями, основные факты и суждения совпадают, что позволяет говорить о высокой степени достоверности этих источников.

Стоит отметить, что рапорты содержат мало информации о состоянии объектов, вскрытых раскопками предшественников ИАК. Только Н.П. Кондаков счел нужным отметить наличие значительных скоплений грунта на городище и возложил ответственность за их появление на Одесское общество истории и древностей (Там же: 66об.). Объективность ученого вызывает некоторые сомнения, так как на памятнике действовал монастырь, шло строительство собора св. Владимира и сооружений военного ведомства.

Существенное внимание Н.П. Кондаков уделил вопросу назначения руководителя раскопками ИАК. Рассмотрев несколько кандидатур (в том числе, А.Л. Бертье-Делагарда, В.Н. Ястребова), он настоятельно рекомендовал остановить выбор Комиссии на К.К. Косцюшко-Валюжиниче (Там же: 63-64).

Н.П. Кондаков указал на сложившуюся практику децентрализованного хранения архитектурных деталей, найденных на городище: в монастыре, соборе, музее Одесского общества, у частных лиц (Там же: 65-66).

В.В. Суслов и Н.П. Кондаков в своих рапортах основное внимание уделили проблеме сохранения артефактов субъектами, действовавшими на памятнике. Так, ученые выявили четыре площадки, концентрировавших находки: 1) «музей» в одном из помещений монастыря (мраморные архитектурные детали, монеты, кресты); 2) монастырская аллея («ряды колонн»); 3) двор обители («различные осколки»); 4) нижний ярус собора и площадка около здания (Там же: 60-60об., 64-65об.). По словам Н.П. Кондакова «орнаментированные плиты» и другие фрагменты мраморных декоративных элементов, сохранявшиеся в строящемся храме, были отобраны строительной комиссией для сооружения иконостаса (Там же: 65).

В.В. Суслов пришел к выводу, что помещение «музея» обеспечивает удовлетворительные условия сохранения находок, так как оно защищено «от непогод и входа посторонней публики без особого провожатого» (Там же: 60об.). Однако оба инспектора ИАК установили, что артефакты, размещенные в других местах, не защищены от непогоды, актов вандализма со стороны посетителей городища, корыстных интересов коллекционеров и небрежности рабочих, занятых на строительстве собора. Кроме того, серьезные

опасения за сохранность предметов вызвало отсутствие каталога коллекции (Там же, л. 60об., 64об.-65).

В.В. Суслов и Н.П. Кондаков не ограничились описанием сложившейся ситуации, но высказали рекомендации для обеспечения большей сохранности херсонесских древностей. Они предложили осуществить каталогизацию вещей, принадлежавших монастырю; выделить специальное помещения для хранения архитектурных фрагментов; произвести маркировку крупногабаритных находок краской; обеспечить финансирование этих работ и выполнить их под контролем представителя ИАК (Там же: 60-61, 64-65).

Особый интерес инспекторов ИАК к состоянию и условиям хранения мраморных артефактов был обусловлен планом реконструкции на городище одной из средневековых базилик для размещения в ней археологического музея. Так, в 1887 г. предполагалось: «Восстановить на первый раз одну из базилик (например, наиболее сохранившуюся близ новостроящегося собора) на существующем древнем фундаменте, преимущественно из древних остатков... с перестилкою мраморного пола, установкою старинных баз, колонн, капителей и проч.» (Там же: 35). В.В. Суслов и Н.П. Кондаков воздержались от прямой критики этой идеи, но представленная ими общая характеристика имевшихся архитектурных деталей позволяла усомниться в перспективах проекта.

Докладные записки В.В. Суслова и Н.П. Кондакова показывают, что в конце 1880-х гг. ИАК придавала особое значение натурным осмотрам археологических памятников для получения достоверной информации об их состоянии. Для их проведения Комиссия привлекала высококвалифицированных специалистов. Кроме того, рассмотренные документы показывают, что серьезными проблемами сохранения древностей Херсонесского городища были неудовлетворительные условия хранения находок, отсутствие системы их учета и депаспортизация артефактов.

Библиография

- ГРИНЕВИЧ К.Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827-1927). – Севастополь, 1927.
- КАЛИНОВСКИЙ В.В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное крымоведение (1837-1920). – Киев; Симферополь, 2012. (Серия: «Биобиблиография крымоведения», вып. 18).

Научный архив Института истории материальной культуры РАН, Рукописный архив (НА ИИМК РАН, РА), фонд 1, 1887 г., дело 22.

СТОЯНОВ Р.В. Императорская Археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А.Е. Мусин. Под общ. ред. Е.Н. Носова. – СПб., 2009. С. 522-555.

ШАМАНАЕВ А.В. Проект организации изучения и охраны Херсонесского городища Императорской Археологической Комиссии (1887 г.) // Херсонесский сборник. – Севастополь, 2013-2014. Вып. 18. С. 239-246

Т.Ю. ЯШАЕВА

«Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

К ВОПРОСУ О ПОСВЯЩЕНИИ ХЕРСОНЕССКОГО «ХРАМА С КОВЧЕГОМ»

Отождествление херсонесских храмов, упоминающихся в письменных источниках, со строительными остатками, открытыми во время раскопок, представляется одной из важных задач реконструкции христианской истории византийского города. Однако из нескольких десятков храмов, выявленных к настоящему времени на херсонесском городище и его округе, со стопроцентной уверенностью мы можем назвать только храм Богородицы Влахернской, расположенный на загородном южном некрополе. Идентификация некоторых других храмов Херсона, на наш взгляд, недостаточно убедительна. В качестве примера, обратимся к крестообразному храму «Храму с ковчегом» (№ 19), открытому К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1897 г.

Как следует из отчета о раскопках, в алтарной апсиде храма в подпрестольном углублении был обнаружен *in situ* небольшой серебряный ковчег-реликварий константинопольского производства VI в. с изображениями на длинных сторонах в медальонах Христа между апостолами Петром и Павлом и Богоматери между двумя ангелами; на торцах в медальонах - двух молодых святых; на внешней поверхности крышки изображены четыре креста; на внутренней поверхности крышки и дна – клейменные монограммы Юстиниана (Косцюшко-Валюжинич: 1897: 97-112). Эта неординарная находка неоднократно привлекала внимание исследователей. Одной из первых является публикация 1929 г. Н.М. Беляева, в которой затронут интересующий нас вопрос идентификации святых, изображенных на торцовых сторонах реликвария (Беляев 1929: 128-130).

Эти святые выделяются среди традиционных евангельских образов, помещенных на реликварии, и являются определяющими в интерпретации памятника, указывающими на посвящение храма.

Н.М. Беляев рассматривал два варианта: свв. Сергей и Вакх и свв. Георгий и Димитрий, склоняясь в сторону второй пары святых. Последующие исследователи выбирали либо более нейтральную позицию – «неизвестные святые», либо отдавали предпочтение образам свв. Сергия и Вакха (Банк 1966: 288 и сл.).

В 2000 г. С.Б. Сорочан высказал предположение следующего характера: так как на ковчеге изображены свв. Сергей и Вакх, то мощи в ковчеге также принадлежали этим святым, и храм, соответственно, был освящен в их честь (Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 687). В последующих публикациях С.Б. Сорочан принял эту версию как аксиому и даже выстроил на ней некоторые исторические реконструкции (Сорочан 2005: 862, 857-875).

Рис. 1. Изображения святых воинов на реликварии из Херсонеса (VI в.).

Рассмотрим изображения на медальонах. На торцах ковчеге действительно представлены погрудные изображения молодых безбородых воинов в патрицианских плащах (Рис. 1). Однако, по нашему мнению, это не свв. Сергей и Вакх, т.к. их обязательными иконографическими атрибутами являлись массивные гривны, надетые на шею.

Такими, например, они предстают на знаменитой синайской энкаустической иконе VI в. из собрания Порфирия Успенского (Рис. 2).

У святых же, изображенных на херсонском реликварии, гривны отсутствуют. К тому же спецификой иконографии свв. Сергия и Вакха является парность образов, в то время как на нашем памятнике святые разединены – их изображения находятся на противоположных торцовых сторонах.

Рис. 2. Икона. Святые Сергей и Вакх. Энкаустика. Синай. VI в.

Мы разделяем точку зрения первого интерпретатора реликвария Н.М. Беляева, видевшего в медальонах не Сергия и Вакха, а Георгия

и Димитрия. Как известно, к VI в. (времени изготовления реликвария) уже складывается иконография этих святых, однако, как отмечают исследователи, отдельные варианты иконографии св. Димитрия имеют большое сходство с изображениями св. Георгия, которые иногда могли служить прототипами его изображений (Преображенский 2007: 155-195).

На херсонесском реликварии, не смотря кажущуюся, на первый взгляд, одинаковость образов, все же просматриваются индивидуальные иконографические элементы. У святого, представленного на фото справа (см. Рис. 1), более короткая прическа, слегка обнажающая уши, что позволяет интерпретировать его как Димитрия, а второго святого (слева) - как Георгия. Отметим, что изображения на херсонесском памятнике хронологически близки двум ранневизантийским образам великомучеников: св. Георгия на энкаустической иконе VI в. (Рис. 3) из монастыря св. Екатерины на Синае и св. Димитрия на мозаичном полотне V–VI вв. из фессалоникийского храма св. Димитрия (Рис. 4). По наблюдениям специалистов, в этот период формируется устойчивая иконографическая тенденция к их парному изображению (Жарикова 2005: 681-689).

Известно совместное почитание великомучеников и в более позднее время, например, в византийском Херсоне, о чем свидетельствуют сланцевая и стеатитовая иконы XII в., найденные во время раскопок на городище.

Помещение изображений святых воинов на драгоценный реликварий представляется не случайным. Популярность святых великомучеников Георгия и Димитрия в Византии была очень высока как в народной, так и аристократической среде.

По всей территории империи в честь святых возводились многочисленные храмы и монастыри. Вполне вероятно, что Юстиниан, в русле проводимой им политики христианизации региона, мог передать в дар для нового храма, строящегося в столь важном для империи северном форпосте, серебряный ковчег, украшенный образами воинов-великомучеников Георгия и Димитрия, выступавших в данном контексте защитниками северных рубежей империи. На наш взгляд, вышеизложенное позволяет предположить, что храм был освящен в честь одного из этих святых, скорее всего, Георгия, бывшего уже в V – начале VI в. наиболее почитаемым в Византии (Жарикова: 2005: 681-689).

И в заключении отметим, что мы не можем связать мощи, находившиеся в серебряном реликварии, ни со святыми Георгием или Димитрием, ни с Сергием и Вакхом, хотя бы по одной причине:

они, как следует из отчета, представляли собой «обгоревшую в огне фалангу пальца», т.е. останки мученика, пострадавшего в огне. Однако согласно Житиям, рассматриваемые святые не были сожжены: св. Вакх умер во время бичевания, св. Сергей и св. Георгий были обезглавлены, а св. Димитрий пронзен копьем – следовательно, эти мощи им принадлежать не могли.

Таким образом, вопрос о принадлежности мощей из крестообразного херсонесского храма № 19 пока остается открытым.

Библиография

БАНК А.В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. – М., Л., 1966.

БЕЛЯЕВ Н.М. Очерки по византийской археологии. Херсонесская мощехранительница. Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н.П. Кондакова // «Seminarium Kondakovianum». III. – Прага, 1929.

КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ К.К. // ОАК за 1897 год.

ЖАРИКОВА Т.А. Георгий. Иконография. // Православная энциклопедия. – М., 2005. Т. 10. С. 681-689.

ИВАНОВА О.В. Димитрий Солунский. Почитание в Византии // Православная энциклопедия. Т. 15. – М., 2007. С. 155-195.

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А.С. Димитрий Солунский. Иконография. // Православная энциклопедия. – М., 2007. Т. 15. С. 155-195.

СОРОЧАН С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. Харьков, 2005.

СОРОЧАН С.Б., ЗУБАРЬ В.М., МАРЧЕНКО Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. 2000.

Н.В. ГИНЬКУТ

«Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический»
(Севастополь)

**ГЕНУЭЗСКИЕ КОЛОНИИ В КРЫМУ ГЛАЗАМИ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ КОНЦА XVIII – 40-Х ГГ. XIX В.²⁵**

Период, конца XVIII – начала XIX вв., после присоединения Крыма к России активизировал интерес к полуострову не только со стороны военных, но и любителей разнообразных древностей от простых путешественников до именитых ученых исследователей (Сумароков 1800, 1803, 1805; Муравьев-Апостол 1823; Serra 1834). Несомненный интерес в первую очередь вызывали античные объекты культурного наследия. Однако в работах того времени уделялось значительное внимание и средневековым памятникам Крыма, в частности генуэзским древностям юго-западного и южного берега Крыма. Сохранилось достаточное количество картографических источников, хорошо и четко локализирующих генуэзские крепости. Обладая романтическим видом, а часто и в окружении красивого пейзажа, генуэзские башни становились притягательными объектами для путешествующих по Крыму художников. Ученые же пытались дать более полное описание увиденного, а впоследствии оценить состояние памятников старины, в том числе и археологических. В большинстве своем хорошее состояние средневековых крепостей облегчало описательную часть работ. Авторы того времени четко локализовали известные крупные генуэзские города (Чембало, Солдайю, Каффу), сложнее было сопоставить с генуэзскими владениями остатки небольших крепостей. Их считали и памятниками ранневизантийского времени, и турецкими объектами. В тоже время к генуэзским объектам, достаточно часто авторами причисляются Мангуп и Инкерман. Уже в первой трети XIX в. начинается систематическое изучение и публикации археологических объектов. В этой связи следует

²⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

ответить исследования Е.Е. Келлера, П.И. Кеппена, Ф. Дюбуа де Монпере, которые уделили в своих работах достаточное внимание генуэзским крепостям. Обычное описание памятников добавляется историческим анализом. Так, например, Келлер уже классифицирует памятники средневекового времени по четырем основным культурным признакам: греческому, генуэзскому, татарскому и турецкому.

Наиболее значимой в ряду работ этого времени, описывающие средневековые крымские древности стоит работа академика Кеппена (Кеппен 1837). В ней помимо точных топографических сведений о памятниках, автор дает глубокий исторический анализ событий происходивших в Крыму в генуэзский период, приводит даты основания генуэзских крепостей и известные названия итальянских портов в Таврике, сохранившиеся на европейских средневековых картах. Все описания сопровождаются планами крепостей. Академик включает в свой труд всю имеющуюся у него информацию, в том числе и из других источников и записок путешественников. Близким к произведению Кеппена стало описание французского учено-геолога и путешественника, Дюбуа де Монпере (Dubois de Montpereux 1843). По мнению ряда историографов это «лучшее иллюстрированное издание по истории Крыма» середины XIX в. Еще одной крупной работой 30-х гг. XIX столетия, связанной с исследованиями лигурийских колоний в Крыму можно назвать труд Н.Н. Мурзакевича «История генуэзских поселений в Крыму» (Мурзакевич 1837). Эта специализированное исследование фактически объединяет накопленные к тому периоду знания о пребывании итальянцев на Крымском полуострове в средневековый период.

Достаточно часто в работах проводится и анализ сохранившихся надписей на крепостных сооружениях. Это делает эти исследования сегодня практически бесценными.

В целом для периода конца XVIII в. – 40-х гг. XIX столетия у исследователей крымских древностей наблюдается устойчивый интерес к лигурийским древностям. Это не подпитывалось модными тенденциями того времени, как например, изучение античных памятников или поиска места крещения князя Владимира, это были исследования, которые делались исключительно из научного интереса. Некоторые памятники пребывания генуэзцев в Крыму на сегодняшний день частично утрачены; потеряны и часть надписей того времени, и тем ценнее становятся работы исследователей рассматриваемого периода.

Библиография

- КЕППЕН П.И. древностях Южного Берега Крыма и гор Таврических // Крымский сборник. – СПб, 1837.
- МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ И.М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. – СПб., 1823.
- МУРЗАКЕВИЧ Н.Н. История генуэзских поселений в Крыму. – Одесса. 1837.
- СУМАРОКОВ П.И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. – М., 1800.
- СУМАРОКОВ П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. – СПб., 1803.
- СУМАРОКОВ П.И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. – СПб., 1805.
- DUBOIS DE MONTPEREUX F. Yoyage autour du Caucase, cher les Tcherkesses et les Abkhases en Colhide, en Ceorgie, en Armenie, et en Crimée. – Paris, 1843, Vol. VI.
- SERRA G. Storia della antica Liguria e di Genova. Tourino, 1834, Vol. IV, P. 59-68.

**VIII Международный
Византийский семинар**

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
ИМПЕРИЯ И ПОЛИС**

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Редактор-составитель Н.А. Алексеенко
Корректор В.А. Нессель
Компьютерная верстка Н.А. Алексеенко
Подписано в печать 05.05.2016. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times. Уч.-изд. л. 7,5
Тираж 100 экз.
Заказ № _____

Оригинал-макет изготовлен ФГБУК
«Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»
299045, Севастополь, ул. Древняя, 1.
ОГРН 11492040711675 от 30.12.2014
Тел.: (8692) 55 02 78
e-mail: chersonesedirector@ mail.ru

Напечатано в ООО НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика»
ОГРН 1159204018940 от 07.05.2015
299011, Севастополь, ул. Ленина, 28
Тел.: (8692) 54 31 46
e-mail: ecosi@yandex.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК